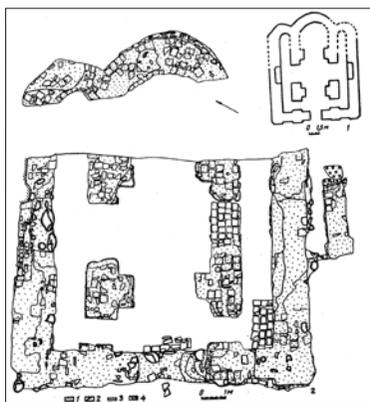

О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века

Одним из первых древнерусских центров, нарушивших монополию Киева в области монументального строительства, продержавшуюся почти на всем протяжении XI века, стал Чернигов. После создания там в начале этого столетия Спасо-Преображенского собора мастера вновь были возвращены в Киев, и строительство в Чернигове не велось вплоть до 80-х годов этого столетия, когда княживший там Владимир Мономах предпринял попытку возобновить строительную деятельность в одном из крупнейших и старейших центров Древней Руси. В это время здесь возводится небольшой четырехстолпный храм, не имеющий себе аналогий во всем древнерусском зодчестве домонгольской эпохи. Памятник этот, до недавнего времени еще совсем неизвестный, был открыт и изучен под руководством П.А. Раппопорта и В.П. Коваленко в 1985-1986 гг.

(рис. 1-2)¹.

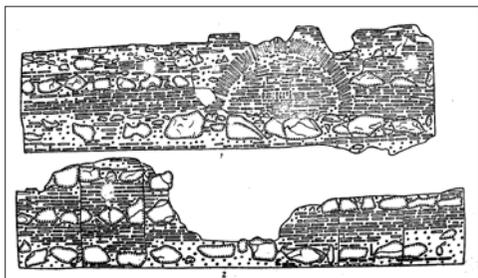
1. Чернигов. Храм-усыпальница.
План (по П.А. Раппопорту
и В.П. Коваленко)

В общей схеме плана этого здания, на первый взгляд, нет ничего необычного. Он представляет собой четырехстолпную постройку с тремя апсидами, типичную для храмов типа вписанного креста. Но уже форма ее столбов необычна для храмов такого типа. Учитывая, что руины древнего здания сохранились довольно хорошо (на некоторых ее участках древние стены сохранились на высоту 0,8-1,00 м)² их форма достаточно четко прочитывается. Они имеют не крещатую, а вытянутую по продольной оси Т-образную форму с вы-

1 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Памятники древнерусской архитектуры в Чернигово-Северской земле. *Зограф.* 18. Београд, 1987. С. 7-8; Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник зодчества на Руси. *ВВ.* Т. 51. М., 1990. С. 201-204; Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Храм-усыпальница в Чернигове. *Древнерусское искусство. Проблемы. Атрибуции.* М., 1993. С. 36-53.

2 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце. *Южная Русь и Византия.* К., 1991. С. 148.

ступами, обращенными внутрь квадрата. Показательно, что на внутренней поверхности боковых (северной и южной) стен на участках, обращенных к столбам, внутренние пилястры отсутствуют. Это свидетельствует о том, что со столбов на боковые стены не были перекинуты обычные в таких случаях подпружные арки, а существовала какая-то другая система перекрытия. В то же время, между собой, уже на этом уровне, столбы соединялись арками, пяты которых кое-где сохранились. Такие же арки были переброшены и на западную стену от западных граней западной пары столбов, и на самой стене напротив столбов были устроены пилястры для опирания пяты этих арок.

2. Чернигов. Храм-усыпальница. Кладка стен
(по П.А. Раппопрту и В.П. Коваленко)

Необычным является и то, что уровень пола находился значительно ниже дневной поверхности, существовавшей в момент строительства церкви. Сохранились не только подлинные участки этого пола, расположенные на 1,4–1,5 м ниже древней дневной поверхности³, но и остатки лестницы, ведшей вниз - внутрь храма⁴.

Учитывая ширину пролета между столбами и глубину настила пола, можно определить, что зенит арок находился на высоте 2 м над полом. Естественно, что вся высота храма такой быть не могла: если учесть и то обстоятельство, что в ходе исследований на высоте всего лишь 1,4–1,6 м от уровня пола были обнаружены и гнезда деревянных связей, проходивших в уровне пят арок от стен к столбам и перегораживавшим все пространство интерьера, по такому помещению можно было ходить лишь согнувшись.

Если все это принять во внимание, то можно понять, что такое сооружение не могло существовать как самостоятельный храм и должно было представлять собой двухъярусное здание, нижний ярус которого и был прослежен при раскопках⁵. Подтверждением этого является небольшая прямоугольная стенка, проходящая снаружи с южной стороны здания против того места, где должен был бы располагаться его южный портал⁶. Нет никакого сомнения в том, что это основание крыльца, которое должно было выводить на уровень второго яруса прямо ко входу в основное помещение храма⁷.

3 Там же.

4 Там же. С. 150.

5 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник зодчества на Руси. С. 201; Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце. С. 150; Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Храм-усыпальница в Чернигове. С. 40.

6 Коваленко В. П., Раппопорт П.А. Храм-усыпальница в Чернигове. С. 41.

7 Там же.

Все это указывает на то, что собственно храмом должно было служить несохранившееся помещение второго яруса. Назначение первого яруса также не вызывает никаких сомнений – в толще боковых стен были прослежены аркосольные ниши, предназначенные для размещения в них погребений в саркофагах, кроме этого были найдены еще два плинфяных саркофага и осколки шиферных плит, которые, судя по всему, служили саркофажными крышками⁸. Таким образом, подклетный ярус церкви, вне всякого сомнения, служил усыпальницей.

Храмы с подклетами для домоногльской Руси явление совершенно уникальное. Известен только один более или менее аналогичный пример, относящийся, правда, уже к XIII в. – церковь Входа в Иерусалим, входившая в единый комплекс со Спасо-Преображенским собором в Ярославле⁹. Там тоже было устроено пространство, находившееся под полом храма и служившее для размещения в нем некрополя. Однако в ярославском храме мы сталкиваемся не с подклетом в полном смысле слова, а всего лишь с подполом, в то время как в Чернигове мы имеем дело с настоящим подклетным пространством, которое, судя по всему, было выражено и на фасадах здания.

Если на Руси такие памятники, предшествующие черниговскому храму-усыпальнице, и, возможно, служившие его прототипом, не известны, то примеры такого рода мы можем найти в архитектуре восточно-христианского мира X-XI веков – это гробничные церкви Болгарии¹⁰, и, что самое важное для нас, в самом Константинополе – это Мирелейон (Будрум-Джами) – гробничная церковь императора Романа Лакапина (X в.)¹¹, двухэтажная

8 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник зодчества на Руси. С. 201; Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце. С. 150.

9 Иоаннисян О.М. Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле. *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век.* СПб., 1997. С. 222-223.

10 Грабар А. Болгарские церкви-гробницы. *Известия на Българския археологически институт.* Т. 1. Св. 2. София, 1924. С. 103-105; Брунов Н. К вопросу о болгарских двухэтажных церквях-гробницах. *Известия на Българския археологически институт.* Т. 4. София, 1927. С. 135-138.

11 W. Müller-Wiener, *Bildlexicon zur Topographie Istanbuls: Byzantion - Konstantinopolis - Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts* (Tübingen, 1977), 103-107; C. L. Striker, *The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul* (Princeton, New Jersey, 1986). Правда, недавно было высказано предположение, что первоначально нижний ярус этого храма служил просто субструкцией, а в качестве усыпальницы стал использоваться позднее – в XIII-XIV вв. (См.: C.L. Striker, *The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul*, 6). Этому предположению противоречит то обстоятельство, что интерьер нижнего яруса Мирелейона, несмотря на свою строгость, представляет собой репрезентативно решенное помещение, арки которого опираются на изящные колонны с изысканными

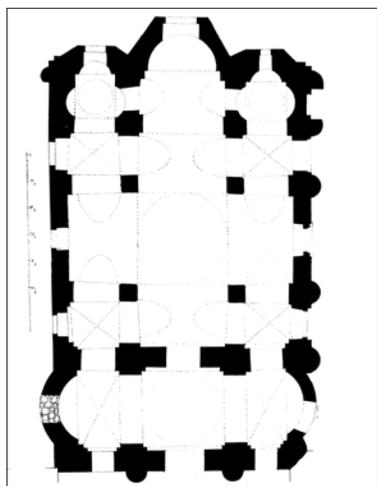

3. Константинополь.
Церковь Мирелейон
(Будрум-Джами). Общий вид

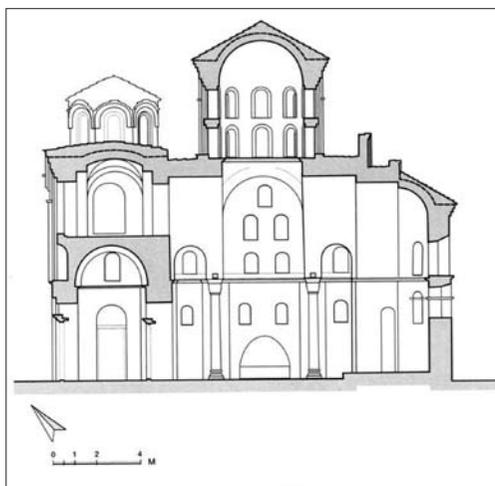
гробничная церковь Богдан-Сарай¹² и церковь Одалар-Джами, построенная в XI или начале XII в.¹³

По всей видимости, именно константинопольская церковь Мирелейон (рис. 3-5) послужила непосредственным образцом для черниговского храма-усыпальницы. Об этом говорит многое – и тот, и другой храм принадлежат типу вписанного креста, и в том, и в другом в нижнем ярусе применена одинаковая система конструкции перекрытия, основанная на системе арок, перекинутых между столбами и от столбов к стенам, и, наконец, одинаковая система кладки – *opus mixtum* со скрытым рядом.

Правда, есть и различия: Мирелейон представляет собой сложный вариант хра-

4. Константинополь. Церковь
Мирелейон (Будрум-Джами). План

5. Константинополь. Церковь Мирелейон
(Будрум-Джами). Разрез

резными капителями. Вряд ли такое решение понадобилось бы в том случае, если бы подклет храма служил просто конструктивной субструкцией.

- 12 T.F. Mathews, *The Byzantine Churches of Istanbul* (Pensylvania, 1976), 36; W. Müller-Wiener, *Bildlexicon zur Topographie Istanbul*, 108.
- 13 N. Brunov, "Die Odalar-Djami von Konstantinopel," *Byzantinische Zeitschrift*, *bd. XXVI* (Leipzig, 1926), 352-355; W. Müller-Wiener, *Bildlexicon zur Topographie Istanbul*, 188-189.

ма типа вписанного креста с развитым предалтарным пространством (вирмой), а у черниговского храма вима отсутствует; у Мирелейона есть нартекс, а в черниговской усыпальнице его нет; высота нижнего яруса константинопольской церкви значительно больше, чем черниговской, а его интерьер решен более парадно; в Константинополе арки нижнего яруса опираются на четыре круглые колонны, завершенные резными капителями, а в Чернигове – на мощные столбы. Однако буквального совпадения этих двух памятников ожидать и не следует. Между временем возведения одного и другого существует значительная хронологическая дистанция – церковь Мирелейон построена более чем на 100 лет раньше черниговского храма, и, естественно, что последний возводили уже иные мастера, однако сама идея создания подобного храма повторена в Чернигове почти буквально.

За непосредственный образец черниговского храма могла быть взята и церковь Одалар-Джами, также чрезвычайно близкая по характеру своего плана и строительной технике. Однако, датировка ее неясна, и не исключено, что она могла быть построена уже в XII в., то есть после храма-усыпальницы в Чернигове. Несомненно одно – мастера, строившие черниговский храм были хорошо знакомы с церковью Мирелейон и именно ее (а, возможно, и Одалар-Джами) взяли за прототип черниговской усыпальницы. Таким образом, строители храма-усыпальницы на черниговском детинце должны были либо бывать в Константинополе, либо же быть происходящими оттуда мастерами. Техника кладки, в которой возведен черниговский храм, не противоречит этому. Как мы уже видели, она представляет собой классическую для Константинополя систему *opus mixtum* со скрытым рядом. Однако к концу XI в. такая техника кладки уже прочно укоренилась и в Киеве, что может дать повод предположить и киевское происхождение черниговских мастеров Владимира Мономаха (по крайней мере, бригады каменщиков). Но, это предположение все же следует отвергнуть – несмотря на совпадение самой системы кладки с киевской, в черниговском храме-усыпальнице мы сталкиваемся с совершенно другим типом плинфы, ни по формату, ни по способу формовки, не находящим себе аналогий в киевских памятниках¹⁴. Особо следует отметить в этом памятнике впервые примененную на Руси систему знаков на торцовых сторонах плинфы¹⁵.

Других артелей, кроме киевской, в то время, когда Владимир Мономах начал строительство храма-усыпальницы в Чернигове, на Руси не было, поэтому появление новой артели в Чернигове, работающей в константинопольской технике и использующей в качестве прототипа констан-

14 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце. С. 143-147, 153.

15 Там же.

тинопольский же образец храма, следует объяснять новым приходом на Русь столичных византийских мастеров¹⁶. Будучи в 80-х гг. XI в. князем черниговским, Мономах вряд ли мог получить в свое распоряжение киевскую артель. В то же время, обратиться за такой артелью в Константинополь ему было гораздо проще, так он был сыном византийской принцессы¹⁷ и приходился родным внуком императору Константину Мономаху. В связи с этим В.П. Коваленко и П.А. Раппопорт даже рискнули высказать интересное предположение:

Если бы выяснилось, что константинопольская Одалар-Джами была родовой церковью императора Константина Мономаха – деда князя Владимира Мономаха, было бы понятно, почему в Чернигове возвели храм столь редкого для Византии типа¹⁸.

Несмотря на большую близость церкви Одалар-Джами храму-усыпальнице в Чернигове, мы не можем поставить их в прямую зависимость друг от друга, поскольку дата возведения Одалар-Джами неизвестна, и она могла быть возведена уже после черниговской церкви. Считать же церковь Одалар-Джами родовым храмом императора Константина Мономаха у нас нет никаких оснований, так как какие-либо исторические источники на этот счет отсутствуют.

Независимо от того, какая из двух церквей – Мирелейон или Одалар-Джами – послужила непосредственным прототипом черниговского храма-усыпальницы, для нас важно другое – в этом памятнике мы сталкиваемся с непосредственным воздействием на древнерусское зодчество византийской архитектуры, что, кстати, было специально оговорено его первыми исследователями¹⁹. Отметим в связи с этим и еще одно обстоятельство, которое в дальнейшем может иметь для нас существенное значение – это то, что среди возможных прототипов черниговской гробничной церкви оказывается церковь Мирелейон.

Однако после ухода из Чернигова артели, построившей храм-усыпальницу, строительная деятельность там не прекращается. Примерно в эти же годы в ближайшей близости от него возводится еще одна гражданская постройка, остатки которой были обнаружены в 1950-1951 гг. В.А. Богу-

16 Раппопорт П.А. О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в. *Памятники средневековой культуры. Открытия и версии*. СПб., 1994. С. 201.

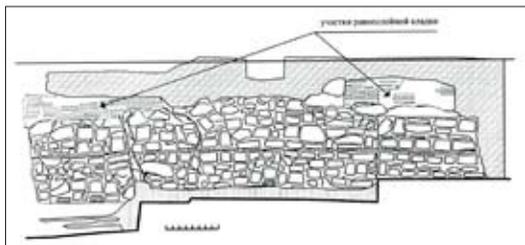
17 N. de. Baumgarten, "Généalogies et mariages occidentaux des rurikides russes du Xe au XIIIe siècle," *Orientalia Christiana*, vol. IX-1 (Roma, 1928), 7, 22.

18 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Неизвестный памятник зодчества на Руси. С. 204.

19 Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце. С. 153; Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Храм-усыпальница в Чернигове. С. 45.

севицем и Н.В. Холостенко между Спасским и Борисоглебским соборами²⁰. Авторы раскопок отождествили его с теремом «Красного» княжеского дворца, упоминаемого в *Поучении* Владимира Мономаха²¹. Это здание было возведено из плинфы, которая полностью аналогична плинффе двухкамерного терема²², и, следовательно, вряд ли отстоит далеко по времени своего возведения от постройки под Борисоглебским собором. В то же время, здание это имеет и весьма существенные отличия от всех других построек, возведенных где-либо на Руси в XI в.

Самым существенным отличием этого памятника является техника кладки, в которой он был возведен – здесь впервые на Руси мы сталкиваемся не с кладкой *opus mixtum* со скрытым рядом, а с порядовой кладкой, при которой все ряды плинфы были положены заподлицо с фасадной и интерьерной стороной кладки, не образуя западающих (скрытых) рядов (рис. 6). При этом регулярная кладка была применена только во внешних –

6. Чернигов. Терем между Спасским и Борисоглебским соборами.
Кладка (по В.А. Богусевичу и Н.В. Холостенко)

наружном и внутреннем – рядах стены, внутренняя же ее часть заполнена битыми и целыми плинфами, а также камнями²³. Правда, толщина шва цементного раствора в этом памятнике еще достаточно велика и почти равна толщине самой плинфы.

Система равнослойной порядовой кладки абсолютно

не характерна ни для киевского зодчества XI в., ни для константинопольского строительства. По своей конструктивной сути она близка типично романской технике полубутовой кладки, так называемой кладки «в ящик», при которой внешние поверхности стены образуются рядами гладко обтесанных и пригнанных друг к другу квадров камня, а пространство между ними заполняется забутовкой из мелких камней и отесков. О. Шуази определял такую систему кладки как бутовую кладку с каменной облицовкой, отмечая при этом большую роль раствора, который при такой технике играет роль

20 Богусевич В.А., Холостенко Н.В. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. *КСИА АНУ*. 1952. Вып. 1. С. 32-43; Холостенко Н.В. Черниговские каменные княжеские каменные терема XI в. *Архитектурное наследие*. Вып. 15. М., 1963. С. 7-17.

21 Богусевич В.А., Холостенко Н.В. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. С. 32.

22 Ср. данные по параметрам плинфы черниговских памятников, приводимые Н.В. Холостенко (Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. *Памятники культуры. Исследования и реставрация*. Вып. 3. М., 1961. С. 64).

23 Богусевич В.А., Холостенко Н.В. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. С. 35.

уже не только связующего, но и пластического материала, служащего для равномерного распределения давления в кладке²⁴. По сути дела, во дворце, остатки которого обнаружены между Борисоглебским и Спасским соборами, мы впервые сталкиваемся с рядовой кладкой из плинфы, которая с этого времени станет основным типом кладки во всем древнерусском зодчестве домонгольской эпохи, однако вопрос о ее появлении в Чернигове требует специального рассмотрения, к чему мы и вернемся ниже, отметив прежде еще несколько особенностей этой постройки.

Интересной особенностью ее плана является форма угловых лопаток, которые сходятся таким образом, что, образуют «как бы продолжение стен»²⁵. Впоследствии, в XII в., такое решение угловых пилястр станет довольно характерным для целого ряда школ древнерусского зодчества, однако в постройке, отождествляемой с теремом черниговского «Красного двора», мы сталкиваемся с этим композиционным приемом впервые. Ни в киевской архитектуре XI в., ни в архитектуре Константинополя или византийской провинции такое размещение угловых пилястр не применялось – в памятниках этого круга угловые лопатки, как правило, не сходятся между собой, а расположены таким образом, что между ними образуются закрестия.

Еще одной важной особенностью этого здания было наличие в системе убранства его фасадов аркатурного пояса. Свидетельством этого являются находки лекальных кирпичей, предназначенных для выкладки небольших арок, выходящих на фасад здания, и кирпичный же кронштейн консоли, поддерживающей основание одной из арок, входивших в аркатурный фриз²⁶. С такими кирпичными аркатурными поясами мы еще не раз столкнемся в сохранившихся памятниках Чернигова (Успенский собор Елецкого монастыря²⁷, Борисоглебский собор²⁸), где хорошая сохранность этого декоративного элемента дает возможность подробнее рассмотреть вопрос о его конструкции и происхождении. Наличие такого же фриза Ю.С. Асеев и Г.Н. Логвин предполагали и еще в одном памятнике Чернигова, возведенном на рубеже XI и XII веков – Ильинской церкви²⁹. Рассматривая же терем на «Красном дворе» пока лишь отметим, что в этой постройке мы впервые в древнерусском зодчестве сталкиваемся с применением настоящего аркатурного пояса, а не с похожими на него поясами малых арок, как это было,

24 См.: Шуази О. *История архитектуры*. Т. II. М., 1937. С. 136, 242.

25 Богусевич В.А., Холостенко Н.В. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. С. 35.

26 Там же. С. 39.

27 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. *Археология СССР. Свод археологических источников*. Вып. Е1-47. Л., 1982. С. 45-46.

28 Там же. С. 41-43.

29 Асеев Ю.С., Логвин Г.Н. Архітектура Іллінської церкви в Чернігові. *Питання історії архітектури та будівельної техніки України*. К., 1959. С. 40, 43.

например, в Софии Новгородской и новгородских постройках первой трети XII в.³⁰

Появившись впервые, судя по всему, именно в тереме «Красного двора», эти черты станут не только *визитной карточкой* черниговского зодчества, но и получат затем широкое распространение в других строительных центрах Руси XII в., но на примере черниговского дворца мы сталкиваемся с *первым* проявлением этих особенностей в древнерусской архитектуре.

Попробуем теперь определить природу происхождения этих новых для древнерусского зодчества особенностей техники строительства, композиционного решения и декоративного убранства зданий.

Начнем с рассмотрения вопроса о технике кладки стен этого сооружения. Для Киева и для Константинополя единственным существовавшим в это время типом кладки была кладка со скрытым рядом³¹. Именно она и была применена в постройках, предшествовавших терему «Красного двора» – двухъярусном храме-усыпальнице и двухкамерном тереме, остатки которого были обнаружены под Борисоглебским собором, что и дает основания утверждать константинопольское происхождение их создателей.

Порядовая равнослойная кладка в это время в Константинополе уже не употреблялась. В провинциях Византии, там, где строительство велось с применением плинфы, а не камня – на Балканах, западном побережье Малой Азии и в Греции – чисто плинфяная порядовая кладка вообще никогда не употреблялась. Как правило, несколько рядов такой кладки перемежались двумя-тремя выравнивающими рядами кладки из тесанных квадров камня или, наоборот, несколько рядов кладки из камня выравнивались двумя-тремя рядами плинфы³².

Равнослойная система кладки к концу XI в. для византийской архитектуры становится уже анахронизмом – все известные нам возведенные в этой технике постройки были созданы еще в ранневизантийскую эпоху (см., например, такие постройки, как церковь Георгия в Салониках, церкви Сергия и Вакха и Ирины в Константинополе, церковь Успения в Никее, православный баптистерий и церковь Сан-Витале в Равенне) – в последних

30 Иоаннисян О.М. К вопросу об элементах романской архитектуры Софийского собора в Новгороде. *Вопросы отечественного и зарубежного искусства*. Вып. 6: *Искусство Древней Руси и его исследователи*. СПб., 2002. С. 101-103.

31 С. Mango, *Byzantine Architecture* (New York, 1974), 14; Раппопорт П.А. *Строительное производство Древней Руси. X-XIII вв.* СПб., 1994. С. 75-76; P. Rappoport, *Building the Churches of Kievan Russia* (Aldershot, Hampshire-Brookfield, Vermont, 1995), 112-115.

32 С. Mango, *Byzantine Architecture*, 11, 213 (монастырь Оснос Лукас в Фокиде), 244-247 (церкви св. Стефана, Кумбелидики и Анаргирой в Кастории), 303 (церкви в Месемврии – болгарском Несебре), 304-305 (церковь Богородицы в Асеновграде), 307 (церковь монастыря св. Пантелеймона в Нерези), 310 (церковь св. Климента в Охриде), 314-315 (собор св. Софии там же).

двух памятниках была использована не плинфа, а кирпич, близкий по своим пропорциям к римскому кирпичу)³³. В основном, такая техника доживает в Византии до VIII-X вв.³⁴ Единственный памятник XI в., где была использована

7. Салоники. Церковь Панагии Халкеон.
Общий вид

8. Салоники. Церковь Панагии Халкеон.
Фрагмент кладки

равнослойная кладка – это церковь Панагии Халкеон в Салониках (рис. 7-8)³⁵.

К моменту начала строительства «Красного двора» в Чернигове уже поработала бригада константинопольских мастеров, возведшая храм-усыпальницу и двухкамерный терем (в 80-х гг. – 90-х гг. XI в.). Терем «Красного двора», судя по тому, что там использована та же плинфа, что и в храме-усыпальнице, должен был быть построен вскоре после его завершения или параллельно с ними, но, судя по тому, что в *Поучении* Владимира Мономаха он упоминается как уже существующий³⁶, в любом случае до 1094 г., когда его заказчик – Владимир Мономах – оказывается уже не в Чернигове, а на переяславльском престоле, то есть в конце 80-х – начале 90-х гг. XI в.

Однако если плинфа, использованная в этом тереме, осталась прежней, то бригада строителей, возводившая его, была уже, безусловно, другой. Она владела тех-

33 С. Mango, *Byzantine architecture*, 93, 102-103, 129, 132-137, 155-157, 167.

34 А.М. Schneider, "Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt," *Istanbuler Forschungen VIII* (Berlin, 1936), 13; S. Eyice, "La ruine byzantine dite «Üçayak»," *Cahiers Archéologiques*, 18. (Paris, 1968), 146.

35 Кондаков Н.П. *Македония. Археологическое путешествие*. СПб., 1909. С. 112-115; С. Mango, *Byzantine architecture*, 204-205; Г.М. Веленџ, *Μεσοβυζαντινή ναοδομία στη Θεσσαλονίκη* (Аθџνα, 2003), 24-29; Иоаннисян О.М. О некоторых особенностях церкви Панагии Халкеон в Салониках. *Византия в контексте мировой культуры: Научная конференция, посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906-1984)*. СПб., 2006. С. 15

36 *Поучение Владимира Мономаха. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века*. М., 1976. С. 403.

никовой кладки стены, к этому моменту в Византии (как в столице, так и в провинциях) уже не применявшейся в течение почти целого столетия. Поэтому встает вопрос, а не могла ли такая техника после того, как мастера, возводившие храм-усыпальницу ушли из Чернигова в Константинополь или Переяславль, возникнуть непосредственно в самом Чернигове, либо она должна была попасть туда с новой артелью мастеров из какого-то другого места христианского мира?

К сожалению, от терема «Красного двора» до нас дошли лишь жалкие остатки, которые не дают возможности судить о характере его кладки настолько, чтобы положительно ответить на наше первое предположение о возможности сложения такой системы кладки в самом Чернигове. Поэтому оставим пока этот вопрос в стороне, чтобы вернуться к нему при рассмотрении следующего по времени черниговского памятника – хорошо сохранившегося Успенского собора Елецкого монастыря. Заметим только, что все же само предположение о возможности возникновения нового типа кладки в фактически первом черниговском памятнике (храм-усыпальницу в таком случае следует рассматривать как его своеобразную предысторию) кажется нам весьма мало вероятным. Любая конструктивная система (а кладка стены является именно такой системой) в эпоху средневековья не могла возникнуть сама по себе без предварительного и длительного развития. *Внезапное* появление такой системы в том центре, где она до этого не существовала, как это произошло в Чернигове, заставляет нас предполагать, что она была *принесена* туда какой-то артелью из такого места, где подобная система уже использовалась, причем в непосредственно предшествующее началу строительства в новом центре время, поскольку навык в ее применении в условиях эмпиричности средневекового строительства мог быть передан на новое место только непосредственно самими мастерами³⁷. В таком случае попытаемся ответить на вторую часть вопроса и найти место, где такая, или хотя бы подобная ей, система кладки стены могла в это время существовать.

Константинополь, как мы уже видели, в данной ситуации, как возможный источник происхождения артели мастеров-строителей рассматриваться не может, поскольку там такая кладка не применялась уже в течение более чем столетия к моменту постройки интересующего нас черниговского памятника, хотя в Чернигове к этому времени, по-видимому, и осталась группа мастеров-плинфотворителей, связанная с работавшей там до этого константинопольской артелью.

37 Раппопорт П.А. Строительные артели древней Руси и их заказчики. СА. 1985. № 4. С. 83-84; Раппопорт П.А. Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры. *Византия и Русь*. М., 1989. С. 140-141.

Почти невозможно (за исключением церкви Панагии Халкеон в Салониках) найти в это время систему порядовой кирпичной кладки ни в византийской провинции, ни в других восточнохристианских странах Балканского региона. Как мы уже видели, система порядовой кладки, примененная в Чернигове по своей конструктивной сути близка романской кладке “в ящик”, хотя в романской архитектуре она применялась при кладке стен из камня, а не из кирпича, а тем более из плинфы, которая в западноевропейской архитектуре со времен античной римской архитектуры вообще не использовалась. Кроме того, не следует забывать и о том, что речь идет о памятнике конца XI в., когда в строительной практике западноевропейского средневековья практически безраздельно господствует не кирпич (а тем более плинфа), а камень.

Таким образом, из возможных источников происхождения новой черниговской артели, на первый взгляд, следует исключить и Западную Европу. Однако именно там на протяжении X и XI веков существует район, где наряду с развитой до высочайшего уровня традицией строительства из камня продолжала существовать и сохраняться римская традиция строительства из кирпича. Этим районом является Северная Италия. Во многом, сохранность римской строительной техники здесь была обеспечена существованием на этой территории и византийской Равенны, храмы которой были возведены в равнослойной порядовой технике, причем не из плинфы, а из кирпича, в котором кладка со скрытым рядом просто невозможна. Правда, памятники Равенны (православный баптистерий и Сан-Витале) относятся еще к ранневизантийскому времени и датируются V-VI вв., но кирпичная кладка продолжает сохраняться в Северной Италии и в эпоху королевства лангобардов (VI-VIII вв.), и после завоевания его франками (IX-X вв.), и в то время, когда она становится одним из владений Оттонов (X-XI вв.).

Наряду с Равенной на территории Северной Италии существовал еще один город, который не только теснейшим и самым непосредственным образом был связан с Византией, но и имел на своей территории постройки, возведенные византийскими мастерами – Венеция. Именно здесь в XI ст. столичными византийскими мастерами возводится собор Сан-Марко, причем возводится в типично константинопольской строительной технике – из плинфы, примененной в системе кладки со скрытым рядом³⁸.

Уже во второй половине XI в., когда в Северной Италии наряду с германской императорской властью существует и коммунальное самоуправление, а ее архитектура вступает в фазу развитого романского стиля, приведшего к созданию широко распространившегося по всей средневековой

38 С. Mango, *Byzantine architecture*, 296, 299; А. McLean, “Romanesque Architecture in Italy,” *Romanesque* (Köln, 1997), 76.

Европе явления, известного как «ломбардская архитектура», старая техника строительства из кирпича оказывается не забытой и не только продолжает существовать параллельно с виртуозно развитой в этом регионе Европы техникой строительства из квадров тесаного камня и с применением скульптурной резьбы, но и нередко сочетается с камнем в одних и тех же зданиях. Для раннероманской и романской строительной практики Северной Италии нередко сочетание кирпичной порядовой кладки основного массива стены с облицовкой по фасаду каменными квадратами. При этом интерьерная поверхность стены, как правило, остается кирпичной, необлицованной. Среди чисто кирпичных памятников Северной Италии, возведенных в XI в., можно выделить такие как церковный комплекс Санто-Стефано в Болонье³⁹, монастырская церковь и баптистерий Сан-Джованни в Виголо-Маркезе⁴⁰ и монастырский комплекс бенедиктинцев в Помпозе⁴¹. В кирпичной технике с применением вставок резных каменных деталей был построен и основной памятник североитальянской романики XI века – церковь Сант-Амброджо в Милане (рис. 9)⁴². Из кирпича была возведена в XI веке и одна из главных бенедиктинских обителей средневековой Европы – монастырь в Нонантоле близ Модены⁴³.

9. Милан. Церковь Сант-Амброджо.
Западный фасад

В основном, все перечисленные выше кирпичные памятники итальянской романики XI в. расположена на территории Эмилии-Романьи – области, которая исторически связана с Византией (именно на территории Эмилии-Романьи находится Равенна, находившаяся под церковным управлением Византии) и выходит на побережье Адриатики, открывающей прямую морскую дорогу в империю. Именно здесь могла возникнуть строительная артель, в деятельности которой органично сочетались бы традиции

39 R. Dionigi, *I segni dei lapicidi* (Vigevano-Pavia, 1996), 145-147.

40 A. McLean, "Romanesque architecture in Italy", 80.

41 A. McLean, "Romanesque architecture in Italy", 78.

42 S. Chierici, "La Lombardia," *Italia romanica I* (Milano, 1978), 37-68.

43 S. Stocchi, „L'Emilia-Romagna," *Italia romanica 6* (Milano, 1984), 283-299.

византийской и романской архитектуры. Поэтому вполне возможным, на наш взгляд, было бы высказать предположение, что попавшие в конце XI в. к Владимиру Мономаху в Чернигов строители вышли из круга североитальянских строителей. Не противоречит этому и то обстоятельство, что равнослойная кладка североитальянских памятников велась пусть из тонкого, но кирпича, а в Чернигове мы сталкиваемся с исполнением ее из классической византийской плинфы.

Это обстоятельство не может служить препятствием к выдвиганию нашего предположения – если сама по себе равнослойная порядовая кладка не могла возникнуть в Чернигове внезапно, а должна была попасть туда как уже сложившаяся система, то характер материала, из которого она должна была выполняться, для опытных строителей мог и не быть помехой. П.А. Раппопорт совершенно справедливо предположил: несмотря на то, что новая, неизвестная до этого в том или ином строительном центре система кладки, должна быть принесена туда какими-то мастерами, хорошо знакомыми с ней, из другого строительного центра, где она уже применялась, но при этом «на новом месте мастера кое-что меняли в своих приемах, приспособляясь к местным условиям, использовали местные строительные материалы»⁴⁴. Именно таким образом дважды поступили киевские мастера, попав в Новгород, где они перешли на активное применение камня⁴⁵. Если верна наша гипотеза о североитальянском происхождении артели строителей, попавших в Чернигов в конце XI в., то таким же образом поступили и они, перейдя на кладку из плинфы вместо традиционно употреблявшегося ими “ломбардского” кирпича (кстати, близкого плинфе по своим параметрам). Эти мастера сохранили свою систему равнослойной кладки, заменив ею ставшую уже традиционной для Руси константинопольскую кладку со скрытым рядом⁴⁶.

Обратимся теперь к последней из названных нами выше особенностей терема на «Красном дворе», отличающих его от всей остальной предшествующей традиции древнерусского зодчества – аркатурному поясу, свидетельство существования которого было зафиксировано при исследованиях остатков этого здания в виде лекальных полуарочных кирпичей для выкладки самой аркатуры и кирпичных же консолей, которые предназначены для поддержания пят этих арок. В дошедших до нашего времени почти

44 Раппопорт П.А. Строительные артели древней Руси и их заказчики. С. 83.

45 Иоаннисян О.М. К вопросу об элементах романской архитектуры Софийского собора в Новгороде. С. 99-101.

46 Подробнее об этом см.: Иоаннисян О.М. К вопросу о происхождении черниговской плинфы конца XI-XII веков и равнослойной техники кладки на Руси. *Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы*. СПб., 2003. С. 20-34; Иоаннисян О.М. Ломбардские зодчие на Руси: «Русская романика» XII века. *Линакотекса*. 2003. № 1-2 (16-17). С. 10-19.

целиком памятниках Чернигова, таких как Успенский собор Елецкого монастыря, Борисоглебский собор и Ильинская церковь, аркатурные пояса, сложенные из кирпичей такого типа, хорошо сохранились и будут рассмотрены нами чуть ниже. Пока же, забегаая вперед, отметим, что не только тип этого декоративного элемента, но и сама техника его устройства находят себе аналогии в романской архитектуре и позволяют предпринять попытку более точно определить источник происхождения этого элемента в зодчестве Чернигова.

Сам по себе мотив аркатурного пояса, начиная с конца X в., является одним из наиболее распространенных приемов декоративного убранства памятников романской архитектуры на всей территории Европы. Поэтому один только факт появления этого элемента в Чернигове означает лишь констатацию того, что в конце XI в. там работала какая-то артель, связанная с традициями романской архитектуры. Однако вся необычность ситуации заключается в том, что в тереме «Красного двора», так же, как и в построенных позднее Успенском соборе Елецкого монастыря, Борисоглебском соборе и Ильинской церкви, этот элемент выполнен не из камня, а из специально изготовленных для этой цели кирпичей. Даже то небольшое, что дошло до нас от такого аркатурного пояса в черниговском тереме, позволяет нам утверждать, что сам факт изготовления специальных деталей для выкладки этого элемента свидетельствует о том, что выполнявшие его мастера хорошо владели технологией конструктивного исполнения этого декоративного мотива именно в кирпичной технике. В Чернигове они применили его, прекрасно зная, из каких деталей такой элемент выполняется, и как эти детали монтируются в кладку здания.

Как мы уже видели, во второй половине XI в. кирпичная равнослойная техника в романской архитектуре применялась только в одном регионе – Северной Италии. Но именно там, в архитектуре Ломбардии, Эмилии-Романьи, Пьемонта и Аосты, мотив аркатурного пояса получит настолько широкое распространение, что во всей остальной средневековой Европе он будет восприниматься как “ломбардский”. При этом для нас очень важно, что единственным местом в Европе, где этот элемент исполнялся не только в камне, но и в кирпиче, причем из специально изготавливаемых для этой цели деталей – кирпичных полуарок и клинчатых керамических консолей, была именно Северная Италия. Именно там мы сталкиваемся с керамическими аркатурными поясами уже в конце XI в. в таких памятниках как церковь Сант-Амброджо в Милане (рис. 10)⁴⁷, церковный комплекс Санто-Стефано в Болонье⁴⁸, кампанилла монастыря в Помпозе⁴⁹, кампанилла монастырского

47 A. McLean, “Romanesque Architecture in Italy,” 83.

48 R. Dionigi, *I segni dei lapicidi*, 146.

49 A. McLean, “Romanesque Architecture in Italy,” 78.

10. Милан. Церковь Сант-Амброджо.
Аркатурный пояс

комплекса Сан-Джованни в Виголо-Маркеше⁵⁰ и монастырь в Нунантоле близ Модены⁵¹.

Итак, в конце XI в. в Чернигове было построено здание, в котором мы сталкиваемся с дотоле неизвестными в древнерусском зодчестве чертами – равнослойной плинфяной кладкой, необычным размещением пилястр на углах здания и, наконец, настоящим аркатурным поясом, выполненным из специально

изготовленных для этой цели лекальных кирпичей и керамических деталей. Ни в предшествующем развитии киевского зодчества, ни в архитектуре Византии X-XI вв., ни в других странах восточнохристианского региона мы не можем найти ничего подобного. Совершенно очевидно, что эти особенности не могли появиться в Чернигове самостоятельно. Поэтому приходится искать источник происхождения этих форм в других регионах христианского мира. В конце XI века, то есть во время, предшествующее или синхронное с первым появлением этих особенностей в Чернигове, мы находим сочетание всех трех этих признаков лишь в одном месте – в Северной Италии. Это и дает нам основание предполагать, что первый пример воздействия романской архитектуры на древнерусское зодчество связан с появлением каких-то бенедиктинских строителей при дворе Владимира Мономаха, бывшего до 1094 г. черниговским князем⁵².

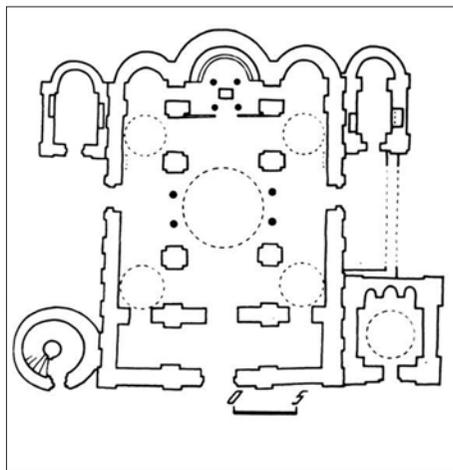
По всей видимости, с этими же мастерами связан и еще один не дошедший до нас и изученный в ходе археологических раскопок памятник, который, к сожалению, практически выпал из поля зрения исследователей. Причина такого невнимания к нему, впрочем, легко объяснима, поскольку он не является самостоятельным сооружением, а всего лишь небольшой пристройкой к другому, более раннему и хорошо известному – Спасскому собору. Речь идет о небольшой часовне-крещальне, остатки которой были вскрыты в 1923 году у западного членения южной стены собора под основанием круглой башни, построенной уже в XVIII ст. (рис. 11)⁵³. Она представляла собой маленький храмик, три апсиды которого

50 A. McLean, "Romanesque Architecture in Italy," 80.

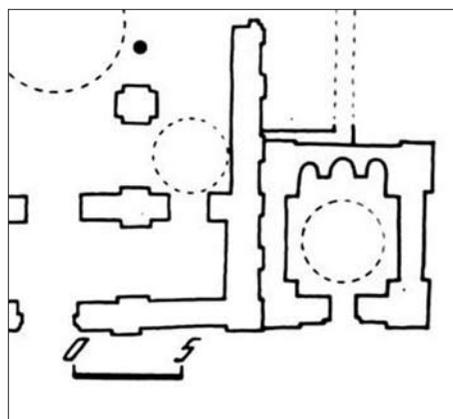
51 S. Stocchi, „L'Emilia-Romagna," 291.

52 См. также: Иоаннисян О.М. К вопросу о происхождении черниговской плинфы конца XI-XII веков и равнослойной техники кладки на Руси. С. 20-34; Иоаннисян О.М. Ломбардские зодчие на Руси: «Русская романика» XII века. С. 12-15.

53 Макаренко М. Біля чернігівського Спаса. *Чернігів і Північне Лівобережжя*. К., 1928. С. 190-194.

11. а. Чернигов. Спасский собор.
Сводный план

11. б. Чернигов. Крещальня у юго-западного
угла Спасского собора. План

не были выявлены снаружи, а все были вписаны изнутри в толщу восточной стены. П.А. Раппопорт высказал предположение о том, что эта часовня, подобно часовне Успенского собора Киево-Печерского монастыря, была двухъярусной, «так как во втором ярусе южной стены собора в данном месте на хорах есть заложённая дверь»⁵⁴.

В отличие от двух других крещален, пристроенных к юго-восточному и северо-восточному углу собора, по всей видимости, вскоре после его окончания и почти не отличающихся от него по своим строительно-техническим особенностям⁵⁵, юго-западная крещальня сложена из плинфы другого формата, приближающегося к формату плинфы других черниговских памятников – Успенского собора Елецкого монастыря и Борисоглебского собора⁵⁶. Кладка, в которой были сложены стены этой крещальни, также отличается не только от кладки самого Спасского собора, но и кладки храмусыпальницы и постройки, обнаруженной под Борисоглебским собором. Крещальня сложена не в технике *opus mixtum* со скрытым

рядом, а в равнослойной технике (правда, с толстым слоем раствора между рядами). Это сближает ее с такими постройками, как терем между

54 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 40.

55 Макаренко М. Біля чернігівського Спаса. С. 185-190.

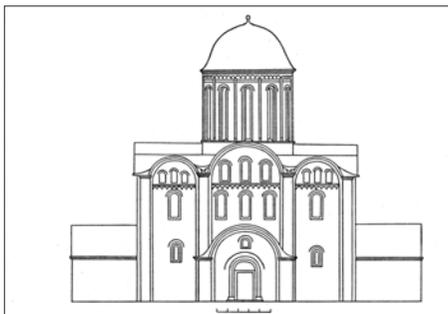
56 Размеры плинфы Успенского собора: 35-36 x 26-28 x 2,2-3 см, Борисоглебского: 31-34 x 24-28 x 3,5-5 см, размеры плинфы юго-западной крещальни Спасского собора 31-32 x 26-27 x 3-3,5 см (Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 64-65), в то время как плинфа самого Спасского собора больше по своим габаритам (36-38 x 22-28 x 2,5-3,5 см) и по другому формована (Там же. С. 64).

Спасским и Борисоглебским соборами, Успенский и Борисоглебский соборы и Ильинская церковь. С этими же памятниками ее роднит и такая особенность плана, как совмещение лопаток на западных углах здания.

Все это заставляет предполагать, что эта небольшая постройка не только возведена намного позднее самого Спасского собора и его восточных крещален, но и является произведением уже новой черниговской артели, сменившей артель, возводившую храм-усыпальницу и терем, остатки которого были обнаружены между Спасским и Борисоглебским соборами.

К сожалению, остатки терема между Борисоглебским и Спасским соборами, и крещальни у юго-западного угла Спасского собора настолько ничтожны, что наше предположение следует проверить на других, хорошо сохранившихся памятниках Чернигова – Успенском соборе Елецкого монастыря, Борисоглебском соборе и Ильинской церкви.

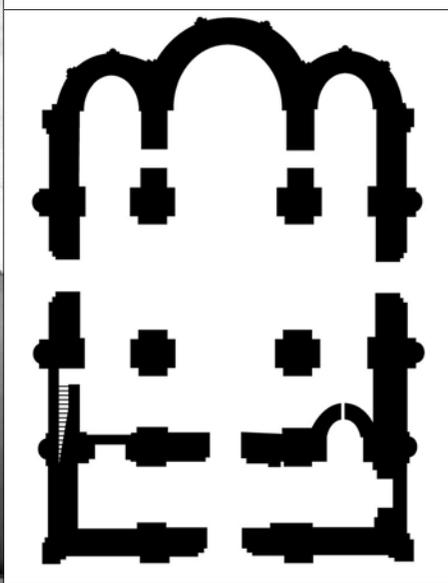
Самым ранним из них считается Успенский собор Елецкого монастыря (рис. 12-14), с которого мы

12. Чернигов. Успенский собор Елецкого монастыря.
Реконструкция Н.В. Холостенко

13. Чернигов. Успенский собор Елецкого монастыря. Общий вид

14. Чернигов. Успенский собор Елецкого монастыря. План

и начнем наше рассмотрение этой группы памятников. Время постройки Успенского собора, так же, как и основания самого монастыря, древними письменными источниками не зафиксировано. Церковная летопись, составленная в XVII в. игуменом Елецкого монастыря Иоаннием Галятовским, возводит время основания монастыря к 1069 году и связывает его с именем киевского князя Святослава Ярославича (умер в 1073 г.). К этому же времени И. Галятовский относит и постройку собора. По его сведениям, собор был построен как откровенная копия Успенского собора Киево-Печерского монастыря: «Святослав Ярославич мурованную церковь пресвятой Богородицы Елецкой збудува.... як в Києве Печерская, так в Чернигове Елецкая церковь...»⁵⁷. И.В. Моргилевский, так же со ссылкой на позднесредневековые источники, среди основателей монастыря называет и Антония Печерского⁵⁸. В то же время, несмотря на сведения, приводимые в летописи И. Галятовского, большинство современных исследователей, принимают из его сообщения лишь дату основания самого монастыря, и не доверяют его дате строительства “мурованного” собора, считая, что он был возведен уже позднее в процессе функционирования монастыря. Н.В. Холостенко, считает, что собор был построен в 1094-1097 гг.⁵⁹. И.В. Моргилевский считал, что собор был возведен уже в XII в., не уточняя, когда именно на протяжении этого столетия это произошло⁶⁰.

Более точно попытались определить время постройки собора другие исследователи. П.А. Раппопорт считает, что собор был построен около 1113 г.⁶¹ Е.В. Воробьева и А.А. Тиц предположили, что наиболее вероятное время его создания – это промежуток между 1110 и 1120 гг.⁶², а В.Г. Пуцко – между 1115 и 1119 гг.⁶³ Менее определенные даты предложили Ю.С. Асеев и Г.Н. Логвин. Ю.С. Асеев датирует собор в пределах «второй или третьей четверти XII века»,⁶⁴ а Г.Н. Логвин – второй половиной XII в.⁶⁵ К вопросу об уточнении датировки собора мы еще вернемся, отметив пока, что наиболее вероятными нам представляются датировки, предложенные

57 Цит. по: Логвин Г. *Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль*. М., 1980. С. 85.

58 Моргилевский И. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. *Чернігів і Північне Лівобережжя*. К., 1928. С. 200.

59 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 67.

60 Моргилевский И. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. С. 200.

61 Раппопорт П.А. *Древнерусская архитектура*. СПб., 1993. С. 49.

62 Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. *СА*. 1974. № 2. С. 108.

63 Пуцко В.Г. Мистецтво Київської Русі близько 1110 р. *Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі*. Чернігів, 1997. С. 51.

64 Асеев Ю.С. Архитектура Южной и Западной Руси в XII-XIII в. *Всеобщая история архитектуры*. Т. 3. Л.-М., 1966. С. 573-574.

65 Логвин Г. *Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль*. С. 85.

Н.В. Холостенко, П.А. Раппопортом, В.Г. Пуцко, Е.В. Воробьевой и А.А. Тицем. Таким образом, собор будет рассматриваться нами как памятник, укладываемый в хронологические рубежи конца XI – первой четверти XII века.

Обратимся теперь к характеристике этого здания. Собор представляет собой шестистолпный храм с четко выраженным нартексом и крещальной, встроенной в его интерьер в юго-западном углу нартекса. В древности с трех сторон – севера, запада и юга – его окружали несохранившиеся ныне притворы. Лестница для входа на хоры размещается уже не в башне, а в толще северной стены. В настоящее время собор четырехглавый, однако, три малые главы с их барабанами были устроены только в XVII в., а изначально храм был одноглавым⁶⁶. Таким образом, первоначально собор был простым одноглавым шестистолпным храмом, принадлежащим к тому типу, который получил широкое распространение в киевском зодчестве второй половины XI в. после постройки Успенского собора Киево-Печерского монастыря. Не исключено, что именно Киево-Печерский собор и послужил непосредственным образцом для собора Елецкого монастыря, что, в известной степени, подтверждает сведения, приводимые И. Галятовским.

Исходя из этого, можно было бы предположить, что появлением этого храма мы обязаны творчеству киевских мастеров, появившихся в связи с постройкой Елецкого собора в Чернигове. Однако дальнейшее сравнение его с киевскими образцами показывает, что это совсем не так.

В Успенском соборе Елецкого монастыря мы встречаемся со многими чертами, которые в киевском зодчестве совершенно не известны. Прежде всего, это относится к технике кладки, в которой возведен черниговский собор – это не кладка *opus mixtum* со скрытым рядом, типичная для киевского зодчества, а пока еще совершенно неизвестная в нем порядовая система кладки (рис. 15-16). Пилястры на западных углах здания не образуют закрестий, а сходятся на углах. При этом они имеют не простой, а двухступчатый профиль. С фасадов здания пропадают столь характерные для Киева (и для византийской архитектуры) декоративные двухступчатые арки. Вместо них фасады собора получают другой декоративный мотив, совершенно не применявшийся ни в Византии, ни в киевском зодчестве XI века – аркатурные пояса, проходящие под венчающим карнизом барабана, в карнизе апсиды крещальни и по фасадам собора в уровне основания закомар, где они образуют горизонтальные фризы, опоясывающие собор по всему периметру его северной, западной и южной стен (рис. 17). Следы таких же аркатурных поясов были выявлены Н.В. Холостенко и в основании конх апсид собора⁶⁷. Все аркатурные пояса набраны из керамических элементов –

66 Моргилевський І. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. С. 198.

67 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 55.

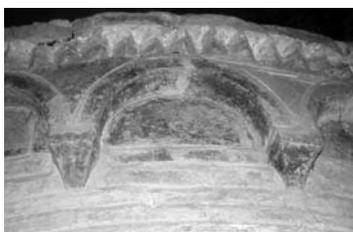

15. Чернигов. Успенский собор
Елецкого монастыря. Фрагмент

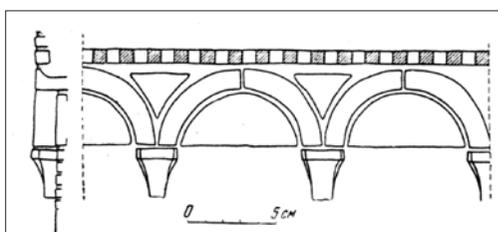

16. Чернигов. Успенский собор
Елецкого монастыря. Равнослойная
кладка в апсиде крещальни

лекальных кирпичей в форме полуарок, клинчатых консолей-кронштейнов, сердечников заполнения пространства между арками и проходящими над аркатурными поясами зубчатыми фризами (рис. 18)⁶⁸.

17. Чернигов. Успенский собор
Елецкого монастыря. Фрагмент
кладки аркатурного пояса

18. Чернигов. Успенский собор Елецкого
монастыря. Схема кладки аркатурного
пояса (по Н.В. Холостенко)

Если ни в Византии, ни в Киеве в XI в. все эти особенности неизвестны, то в самом Чернигове мы уже сталкивались с ними в тереме, остатки которого были выявлены между Спасским и Борисоглебским соборами, возведенном еще при Владимире Мономахе, то есть в 80-х или 90-х гг. XI вв., но до 1094 г.,

68 Там же. Рис. 3.

когда этот князь перешел из Чернигова в Переяславль. При этом, как мы уже видели, все эти особенности обязаны своим происхождением романской архитектуре и связаны, по нашему предположению, с архитектурой бенедиктинцев Северной Италии⁶⁹.

Если постройка, остатки которой были обнаружены между Спасским и Преображенским соборами, дошла до нас в виде остатков, то Успенский собор Елецкого монастыря сохранился достаточно хорошо, чтобы проследить все эти черты уже не в обрывочном виде, а практически в полном объеме, что позволяет не только проверить наши предположения, но и укрепиться в них. Хорошая сохранность Успенского собора не только дает возможность подробнее рассмотреть те элементы его архитектуры и строительно-технические особенности, которые заставляют видеть в нем следы определенного и явного воздействия романской архитектуры, но и увидеть в нем и другие черты, также обязанные ей своим происхождением.

Уникальной особенностью этого памятника, не встречающейся более ни в одном из памятников Чернигова, является цоколь, сложенный из тесанных каменных квадров⁷⁰, отделяющий фундаментную часть здания от его наземной кладки, сложенной уже из плинфы в равнослойной технике. Однако фасад здания, несмотря на то, что на его лицевую поверхность выходили ряды тонкой красной плинфы со швами розового цемяночного раствора, выглядел так же, как и цоколь, поскольку плинфяная кладка по фасадной поверхности была затерта слоем светлого раствора, поверх которого были нанесены полосы другого раствора шириной до 2 см. Эти полосы расчерчивали поверхность фасада, имитируя кладку из тесанных квадров белого камня⁷¹. Таким образом, здание выглядело так, как будто оно было построено не из плинфы, а из камня – в типично романской квадратной технике.

Другой особенностью собора, придающей ему ярко выраженный “романский” оттенок, являются мощные полуколонны, примыкающие к пилястрам на фасаде здания (рис. 19). Ни в одном из памятников древнерусского зодчества до Успенского собора Елецкого монастыря такой прием решения фасада неизвестен. Столь же редок он и для византийской архитектуры. Можно назвать лишь три памятника, где на фасадах использованы полуколонны, однако эти памятники весьма показательны в связи с интересующим нас сюжетом.

69 Иоаннисян О.М. Ломбардские зодчие на Руси: «Русская романика» XII века. С. 12-15.

70 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 52.

71 Там же. С. 56.

В Константинополе мы сталкиваемся с приемом обработки фасадов здания полуколоннами в церкви Мирелейон (рис. 20), которая, как мы уже видели, послужила образцом для создания церкви-усыпальницы в Чернигове. Однако в последней полуколонны на фасадах еще использованы не были, да и возведена она была другими мастерами, которые к моменту постройки Успенского собора, по предположению П.А. Раппопорта, в Чернигове уже не работали. Однако вполне вероятно, что какая-то часть этих мастеров после ухода мономаховой артели из Чернигова в Переяславль (а, возможно, и возвращения в Константинополь) все же осталась в Чернигове, и именно благодаря им принцип такой обработки фасада полуколоннами появился в Успенском соборе Елецкого монастыря. Кстати, по всей видимости, в самой церкви Мирелейон полуколонны на фасадах появились не без воздействия романского искусства. Можно отметить еще одну черту этого константинопольского храма, также вызывающую ассоциации с романской архитектурой, а в самой Византии неизвестную – круглые окна-люкарны, расположенные в верхней части вторых с востока членений боковых фасадов Мирелейона⁷².

19. Чернигов.

*Успенский собор Елецкого монастыря.
Фрагмент фасадной полуколонны*

Полуколонны на фасадах появляются еще в одном памятнике, обязанном своим

20. Константинополь. Церковь Мирелейон (Будрум-Джами):
а. Фрагмент фасада; б. Фасадные полуколонны

⁷² С. Mango, *Byzantine architecture*, 204-205.

происхождением столичной школе византийской архитектуры, но построенном не в Константинополе, а в Салониках – церкви Панагии Халкеон, известной также под названием Казанджилар-Джами (рис. 21).⁷³

21. Салоники.
Церковь Панагии Халкеон.
Полуколонна на фасаде

Церковь Панагии Халкеон имеет особое значение в связи с рассматриваемой нами проблемой. Вспомним, что она была построена в равнослойной технике кладки, которая в это время (XI в.) в Византии становится уже анахронизмом. В этом храме, так же, как и в черниговских памятниках, мы сталкиваемся с проявлением черт романской архитектуры, использованных в неороманском контексте. Причины появления этих черт в церкви Панагии Халкеон станут понятны, если вспомнить о закладной надписи, помещенной на мраморном косяке входной двери этого храма. Впервые надпись была опубликована Г. Шлюмберже⁷⁴. Русский перевод и греческий текст были опубликованы Н.П. Кондаковым⁷⁵. В переводе Н.П. Кондакова надпись гласит следующее:

сие бывшее мирским место освящено ныне как храм во имя Пресвятой Богоматери Христофором, славнейшим царским протоспафарием и катепаном Лонгбардии, его супругою Мариєю и детьми его Никифором и Анною, в сентябре, XII индиктиона, в 6537 (1028 – О.И.) году⁷⁶.

Из этого текста ясно, что заказчиком этого храма был предводитель византийских войск в Италии катепан Христофор. По всей видимости, у него была возможность воспользоваться для постройки храма, фундатором которого он был, услугами мастеров из Ломбардии. Равнослойная кладка и полуколонны на фасадах, с которыми мы сталкиваемся в церкви Панагия Халкеон, делают такое предположение вполне вероятным.

Таким образом, церковь Панагия Халкеон – памятник, в котором мы видим черты, сближающие его с собором Елецкого монастыря – оказывается

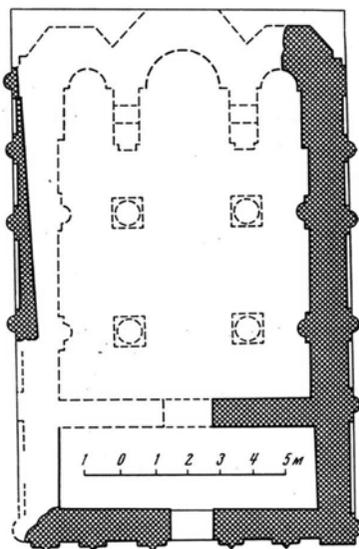
73 Кондаков Н.П. *Македония*. С. 112-115; С. Mango, *Byzantine Architecture*, 207; Г.М. Βελενηζ, *Μεσοβυζαντινή ναοδομία στη Θεσσαλονίκη*, 24-29; Иоаннисян О.М. О некоторых особенностях церкви Панагии Халкеон в Салониках. С. 15.

74 G. Schlumberger, *L'Épopée Byzantine. III* (Paris, 1905), 51-53.

75 Кондаков Н.П. *Македония*. С. 112, прим. 2.

76 Там же.

связан с архитектурой Северной Италии, откуда, по всей видимости, и происходят некоторые элементы (равнослойная кладка, полуколонны на фасадах), свидетельствующие об их романском происхождении. В то же время,

22. Болгария.

Церковь конца X-XI вв. в Бел-Бряг.
План (по Н. Мавродинову)

учитывая, что церковь Панагия Халкеон, судя по дате на той же закладной доске, была построена в 1028 г., то есть задолго до начала строительства в Чернигове, вряд ли именно она послужила непосредственным источником проникновения романских форм в архитектуру Чернигова. По всей видимости, здесь следует говорить о том, что и солунская церковь, и черниговские постройки имели один и тот же источник проникновения этих форм, и источником этим была архитектура Северной Италии.

Еще один византийский памятник, в котором мы можем увидеть полуколонны на фасадных пилястрах – это храм № 1 в Бел-Бряг под Преславом в Болгарии (рис. 22)⁷⁷. По своему типу этот болгарский памятник явно восходит к традициям константинопольской архитектуры,⁷⁸ но, по мнению Н. Мавродинова, полуколонны на

ее пилястрах связаны с воздействием романской архитектуры⁷⁹. В качестве столь же необычной, как для Болгарии, так и для Византии черты этого памятника Н. Мавродинов отмечает и “заостренные”, то есть сходящиеся на западных углах, пилястры этого храма⁸⁰.

Так же, как и Мирелейон, храм № 1 в Бел-Бряг датируется довольно ранним временем – концом X или началом XI века, и вряд ли мог послужить непосредственным источником появления этих форм в соборе Елецкого монастыря, как предположили Е.В. Воробьева и А.А. Тиц⁸¹, однако, как и в случае с церковью Панагия Халкеон в Салониках, и в Мирелейоне, и в Бел-Бряг, и в Чернигове мы, скорее всего, сталкиваемся с общим для всех этих памятников источником происхождения форм из романской архитектуры Северной Италии.

77 Мавродинов Н. *Старобългарското изкуство*. София, 1959. С. 165-167.

78 Там же. С. 166-167.

79 Там же. С. 166.

80 Там же. С. 166-167.

81 Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. С. 104.

Однако вернемся к Успенскому собору Елецкого монастыря в Чернигове. При исследованиях памятника, проводившихся Н.В. Холостенко в 1949-1954 гг., в подкупольном пространстве храма под остатками амвона XVII в. в уровне древнего (домонгольского) пола было найдено большое количество фрагментов витражного стекла⁸². В принципе, круглые оконные стекла, вставлявшиеся в прорези деревянных окончин не представляют собой чего-то необычного для древнерусских памятников. Впервые появившись еще в Десятинной церкви, оконное стекло стало обычным материалом, применявшимся практически в любой древнерусской монументальной постройке⁸³. Однако фрагменты стекла, найденные Н.В. Холостенко в соборе Елецкого монастыря, очень сильно отличаются от всего прочего оконного стекла, известного нам по другим древнерусским памятникам. Стекла, найденные в Успенском соборе в Чернигове, не обычные, бесцветные, а цветные, имеющие, к тому же, еще и следы росписи по цветному прозрачному фону. Стекла имеют не только обычную круглую форму, но и различную фигурную – были найдены стекла сегментные, треугольные, шестиугольные. Цвет стекол – интенсивно-синий, розовый, красно-коричневый, желтый, лимонно-желтый, лиловый и голубой⁸⁴. Наряду со стеклами здесь же были найдены и кусочки рамок из мягкой красной меди⁸⁵, а также оплавившегося свинца⁸⁶, которые являются остатками металлических оконных переплетов.

Совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся ни с чем иным, как с остатками витражей, некогда украшавших Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове. Наличие витражей в этом памятнике является еще одним свидетельством воздействия романской архитектуры на черниговское зодчество рубежа XI-XII вв., и еще одним аргументом в пользу того, что оно сложилось не без участия романских мастеров.

Об этом же свидетельствует и одна конструктивная особенность собора. Наряду с коробовыми сводами в этом здании использованы и крестовые, которыми перекрыты компартименты нартекса под угловыми членениями хор и под часовой второго яруса (рис. 23)⁸⁷. Сами по себе крестовые своды, столь характерные для романской архитектуры, не являются чем-то

82 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 57.

83 Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси. X-XIII вв. С. 54-55; Чурканова Н.В. Оконница как элемент средневекового храма. *Проблемы изучения древнерусского зодчества*. СПб., 1996. С. 38-42.

84 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 57.

85 Там же.

86 Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси. X-XIII вв. С. 54.

87 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 45.

необычным и для архитектуры византийской⁸⁸, откуда они и были принесены константинопольскими мастерами на Русь и использованы в Софийском соборе в Киеве⁸⁹, однако в контексте всего того набора романских элементов, которые мы видим в черниговском памятнике, они не вызывают никаких сомнений в своем романском происхождении.

23. Чернигов. Успенский собор Елецкого монастыря. Крестовый свод

Еще одним свидетельством в пользу романского происхождения создателей Успенского собора Елецкого монастыря можно было бы считать и белокаменную капитель, покрытую орнаментом в виде тератологической плетенки, найденную еще в 1860 г.⁹⁰

Капитель эта была найдена под порогом Борисоглебского собора, но И. Моргилевский, основываясь на сравнении размеров капители с полуколоннами других черниговских храмов (Успенского собора Елецкого монастыря и Ильинской церкви) связал ее с Успенским собором⁹¹, однако другие исследователи эту атрибуцию не поддержали. Е.В. Воробьева связала ее с дворцовым сооружением у Борисоглебского собора⁹². Все остальные исследователи (Н.В. Холостенко⁹³, Р.С. Орлов⁹⁴, А.М. Зорина⁹⁵) не сомневаются в ее принадлежности к Борисоглебскому собору, где она и была найдена. Соглашаясь с ними, мы будем рассматривать эту деталь резного декоративного убранства вместе с остальными капителями Борисоглебского

88 Шуази О. *История архитектуры*. С. 9-10, 47; Брунов Н. И. *Архитектура Константинополя X-XII вв.*. ВВ. 1949. Т. II. С. 162-163, 172, 178-179, 186; С. Mango, *Byzanz* (Stuttgart, 1986), 9, 12-13.

89 Асеев Ю.С., Тоцкая И.Ф., Штендер Г.М. Новое о композиционном замысле Софийского собора в Киеве. *Древнерусское искусство. Художественная культура X-первой половины XIII в.* М., 1988. С. 19, 23-24.

90 Айналов Д.В. О новых архитектурных находках в Чернигове. *Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества*. Т. IX. СПб., 1913. С. 330.

91 Моргилевский И. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. С. 198-200.

92 Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. *Средневековая Русь*. М., 1976. С. 177-178.

93 Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. *Искусство*. 1951. Май-июнь. С. 84-85.

94 Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. *Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара "Чернигов и его округа в IX-XIII вв"*. К., 1990. С. 29.

95 Зорина А.М. Стилистические особенности белокаменных рельефов из Борисоглебского собора в Чернигове. *Древняя Русь. Новые исследования: Славяно-русские древности*. Вып. 2. СПб., 1995. С. 142.

собора, пока же отметим, что сама возможность существования завершений фасадных полуколонн Успенского собора резными каменными капителями не может исключаться нами, так как полуколонна, завершенная капителью, вполне естественно укладывается в контекст романской архитектурной стилистики, в русле которой мы и рассматриваем собор Елецкого монастыря. В то же время, до сих пор ни при одном из исследований памятника не удалось выявить *in situ* следы существования каменных капителей в этом храме, что, впрочем, может являться и результатом плохой сохранности его верхних частей, которые в XVII веке подверглись наиболее активной перестройке. Впрочем, не исключено и то, что Успенский собор, несмотря на активное проявление в нем стилистических черт романской архитектуры, все же не имел еще этих весьма важных для тектоники собственно романского здания деталей. В таком случае, стилистика Успенского собора приобретает черты несколько переходные, близкие по контексту использованию полуколонн на фасадах таких византийских памятников как церковь Мирелейон и Панагия Халкеон, где полуколонны так же не имеют завершения в виде капителей. Однако независимо от того, были ли использованы капители, завершающие фасадные полуколонны в Успенском соборе Елецкого монастыря или нет, мы отметили уже в этом памятнике достаточное количество черт (равнослойная кирпичная кладка “в ящик”, полуколонны на фасадах, аркатурные пояса, набранные из специальных керамических деталей, белокаменный квадратный цоколь, разграфка фасада, покрытого светлой штукатуркой под квадратную кладку, своеобразное решение угловых пилястр, наличие витражей), которые достаточно красноречиво свидетельствуют о явном знакомстве его создателей с романской архитектурой XI – начала XII вв.

К вопросу о происхождении этих “романизмов”, так же, как и возможном времени появления этой традиции в Чернигове (а, следовательно, и к вопросу о датировке собора), мы еще вернемся, а теперь обратимся к рассмотрению следующего памятника из этой группы – Борисоглебского собора.

Борисоглебский собор в Чернигове (рис. 24-25)⁹⁶ по своим формам и даже габаритам очень близок Успенскому собору Елецкого монастыря. Он также представляет собой шестистолпный одноглавый храм, однако в отличие от Успенского собора, его нартекс не выделяется в интерьере сплошной стеной и практически сливается с наосом. В древности собор был окружен не дошедшими до нас галереями, построенными одновременно с храмом. Так же, как и у Успенского собора к фасадным пилястрам Борисоглебского собора примыкают полуколонны⁹⁷, а западные угловые пилястры сходятся на углу, не образуя закрестий. Так же, как и Успенский собор, Борисоглебский

96 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 41-43.

97 Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. *Архітектурні пам'ятники*. К., 1950. С. 64, 66; Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. *СА*. 1967. № 2. С. 191.

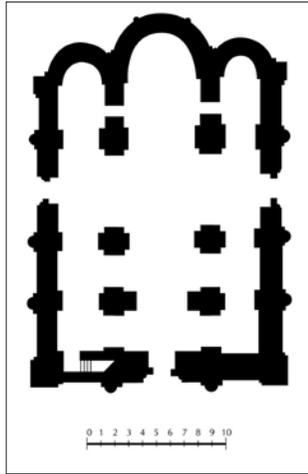

24. Чернигов. Борисоглебский собор.
Общий вид

был выстроен из плинфы в технике равнослойной кладки (рис. 26), но поверхность его фасадов была покрыта затиркой с разбивкой белыми полосами, имитирующей квадратную белокаменную кладку. На местах арок имитируется и разрезка их на клинчатые камни⁹⁸. Так же, как и у Успенского собора по его фасадам в уровне основания закомар проходит аркатурный пояс, выполненный в той же техни-

ке – из специальных керамических деталей в виде лекальных плинф-полуарок, клинчатых консолей и сердечников заполнения пространства между

арочками (Рис.27-28)⁹⁹. Такой же пояс проходит на барабане собора в основании купола¹⁰⁰ и, по всей видимости, завершал фасады галерей¹⁰¹. Так же, как и в Успенском соборе, в системе перекрытий Борисоглебского собора были применены крестовые своды (рис. 29), помещенные над боковыми частями его хора¹⁰². Сближают

25. Чернигов.
Борисоглебский собор. План

26. Чернигов.
Борисоглебский собор.
Фрагмент кладки

эти два памятника и характер формовки плинфы, и аналогичные знаки на них, однако плинфа Борисоглебского собора по своему формату немного меньше елецкой¹⁰³.

98 Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 194.

99 Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. С. 66.

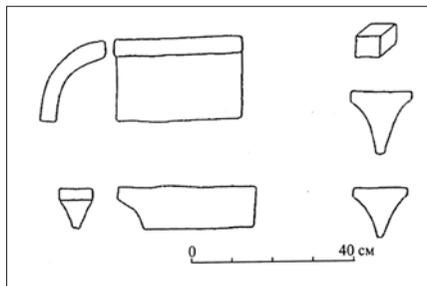
100 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 41.

101 Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 207, рис. 18.

102 Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. С. 69; Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 193; Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 41.

27. Чернигов. Борисоглебский собор.
Аркатурный пояс

28. Чернигов. Борисоглебский собор.
Керамические детали для устройства
аркатурного пояса

Все отмеченные нами совпадения и черты сходства между Успенским и Борисоглебским соборами не оставляют ни малейшего сомнения в том, что оба этих памятника возведены одними и теми же мастерами и хронологически чрезвычайно близки друг другу. Оба они демонстрируют несомненное знакомство с приемами романской архитектуры. В то же время, между ними есть и некоторые весьма существенные различия. Они начинаются уже с фундамента и нижних частей кладки. В Борисоглебском соборе отсутствуют цокольные ряды квадратной каменной кладки, но вместо этого в верхней части его фундамента появляются 16 рядов равнослойной плинфяной кладки, образующей своеобразный подземный цоколь здания¹⁰⁴.

Заметно усложнены и профили порталов в Борисоглебском соборе.

Если в Успенском соборе они традиционно двухступчатые, то в Борисоглебском соборе количество уступов увеличивается (рис. 30). Особенно

29. Чернигов. Борисоглебский собор.
Крестовый свод

103 Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. С. 70, рис. 76; Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 54-56, 64-66; Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 191-193.

104 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 42.

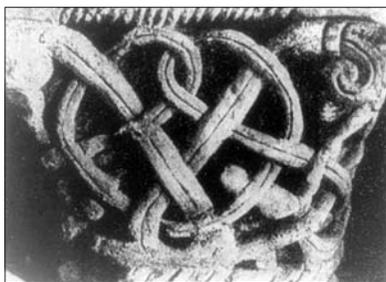

30. Чернигов. Борисоглебский собор.
Фрагмент уступчатого портала

усложнен главный – западный – портал собора, количество уступов, в котором достигает четырех¹⁰⁵. Таким образом, порталы Борисоглебского собора имеют уже почти откровенный романский характер, сближающий их с перспективными порталами романских памятников. Романский характер борисоглебских порталов еще более усиливается, благодаря их своеобразной конструкции, при которых под тимпаном располагается горизонтальная каменная перемычка¹⁰⁶.

Наиболее важной особенностью Борисоглебского собора являлось использование в его убранстве резных белокаменных деталей, причем таких, которые имели не просто декоративный, а кон-

структивный характер – капителей, завершающих фасадные полуколонны (рис. 31-38). При позднейших переделках собора они были вынуты из стен и использованы в забутовке более поздних кладок XVII в.¹⁰⁷, однако в связи с тем, что место их в первоначальной конструкции собора определялось с большой точностью, при реставрации памятника, проводившейся в 1950-х гг. и вернувшей его основному объему первоначальный вид (утраченные еще в древности галереи при этом не восстанавливались), точные копии этих деталей были помещены на те

31. Чернигов. Борисоглебский собор.
Белокаменная капитель

32. Чернигов. Борисоглебский собор.
Белокаменная капитель

105 Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. С. 65-66. Рис. 66.

106 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 41.

107 Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. С. 84-85.

33. Чернигов. Борисоглебский собор. Белокаменная капитель

34. Чернигов. Борисоглебский собор. Белокаменная капитель

35. Чернигов. Борисоглебский собор. Завершающая часть фасадной полуколонны с белокаменной капителью

36. Чернигов. Борисоглебский собор. Завершающая часть фасадной полуколонны с белокаменной капителью

37. Чернигов. Борисоглебский собор. Завершающая часть фасадной полуколонны с белокаменной капителью

38. Чернигов. Борисоглебский собор. Завершающая часть фасадной полуколонны с белокаменной капителью

места, которые в древности занимали оригиналы¹⁰⁸, хранящиеся ныне в Черниговском историческом музее и Черниговском музее-заповеднике.

Количество резных деталей, происходящее из собора различными исследователями определяется по-разному. Н.В. Холостенко¹⁰⁹ и Р.С. Орлов¹¹⁰ считают, что всего в разные годы при различных работах в соборе было найдено 7 белокаменных резных деталей, Е.В. Воробьева связывает с Борисоглебским собором 6 белокаменных капителей¹¹¹, а А.М. Зорина говорит о 12 фрагментах¹¹².

Первые два из них были найдены еще в 1860 г. под западным порогом собора¹¹³. Один представлял собой капитель, покрытую резным тератологическим орнаментом, а другой – белокаменную колонку. К сожалению, впоследствии оба фрагмента были утрачены. Если о колонке, помимо самого факта ее существования у нас больше никаких сведений нет, то капитель 1860 г. стала широко известной, благодаря опубликованным до ее утраты фотографиям¹¹⁴ и вошла в науку под названием “черниговской капители” или “капители 1860 года”¹¹⁵. И. В. Моргилевский, также еще в 1928 г. опубликовавший фотографии этой капители, совершенно необоснованно связал ее с другим памятником – Успенским собором Елецкого монастыря¹¹⁶, однако ни у кого из других исследователей принадлежность этого фрагмента Борисоглебскому собору, где она и была найдена, сомнений не вызывала.

К сожалению, из-за практически полного отсутствия каких-бы то ни было подробных сведений о колонке, найденной в 1860 году, остается только предполагать, принадлежала ли она какой-нибудь малой форме в соборе (например, киворию) или же была приставлена к одному из уступов перспективного портала, придавая ему еще более романский характер, остается только гадать.

Совершенно по иному обстоит дело с капителью. Ее форма, следы крепления в кладке, отчетливо видные на фотографиях, а также приводимые публикаторами размеры не оставляют сомнений в том, что этой капителью

108 Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 210. Рис. 18.

109 Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. С. 84.

110 Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. С. 29.

111 Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 177.

112 Зорина А.М. Стилистические особенности белокаменных рельефов из Борисоглебского собора в Чернигове. С. 142.

113 Айналов Д.В. О новых архитектурных находках в Чернигове. С. 330.

114 Там же.

115 Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. С. 84-85; Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 177; Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. С. 29.

116 Моргилевский И. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. С. 198-199.

завершалась одна из мощных полуколонн, расположенных на фасадных пилястрах собора.

Перейдем теперь к другим деталям, найденным уже при исследованиях Н.В. Холостенко.

Все они, за исключением прямоугольного камня с резьбой на двух сторонах, о котором речь пойдет ниже, также представляют собой капители, близкие по размерам капители 1860 г. На вторых из них помещены парные изображения похожих на волков хищников, переплетенных лентами тератологического орнамента, а еще на одной – гривастый хищник, напоминающий льва¹¹⁷.

Две капители с парными изображениями хищников близки по размерам капители 1860 г. и практически идентичны друг другу, как по размерам, так и по конструкции крепления в кладке. С тыльной стороны они имеют глубокие выемки для крепления в массиве стены. Верх капителей – прямоугольный, низ – полукруглый. Сравнение диаметра нижней части капителей (60 см у капители 1860 г. и 70-72 см у капителей с парными изображениями хищников) с диаметром нижней части полуколонн Борисоглебского собора (86-92 см)¹¹⁸ с учетом энтазиса полуколонн дало возможность предположить, что эти капители завершали фасадные полуколонны собора, куда их копии и были установлены Н.В. Холостенко при реставрации собора. Небольшое расхождение в размерах капителей и полуколонн, по верному наблюдению Е.В. Воробьевой, должно было нивелироваться и за счет возможного наличия “между капителью и полуколонной промежуточного звена вроде шейки дорического ордера”¹¹⁹. Правильность такой интерпретации этих белокаменных деталей совершенно не вызывает сомнения.

Капитель с изображением гривастого хищника (льва?) больше по размерам – ее нижний диаметр достигает 110 см¹²⁰. Отличается она от других и характером резьбы, более объемным, тяготеющим к круглой скульптуре,¹²¹ однако вряд ли приходится сомневаться в том, что она выполняла ту же функцию, что и рассмотренные выше резные детали – служила капителью Борисоглебского собора¹²². Правда в отличие от рассмотренных выше

117 Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. С. 85, 88-90; Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 178-179 (Е.В. Воробьева определяет этих хищников как гепардов); Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. С. 29. Рис. 2-3, 5, 7.

118 Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 177.

119 Там же. С. 176-177.

120 Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 198. Рис. 12; Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 177; Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. С. 30. Рис. 2.

121 Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. С. 30.

122 Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 198. Рис. 13. Е.В. Воробьева без достаточных на то оснований связывает эту капитель

капителей она могла завершать не фасадные полуколонны, а один из подкупольных столбов собора. В пользу такого предположения свидетельствует и характер размещения рельефа на капители, рассчитанный на обозрение с нескольких точек зрения. Капители с изображением волков (или пардусов?), так же, как и капитель 1860 г., рассчитаны, в основном, на фронтальное – фасадное – обозрение.

Еще один резной фрагмент, происходящий из Борисоглебского собора, представляет собой довольно крупный прямоугольный блок камня, верхняя и нижняя плоскости которого гладко обработаны, а на двух смежных боковых плоскостях помещены выполненные в плоском рельефе изображения драконовидного зверя и птицы. По своей стилистике и техническому исполнению резьба на этом белокаменном блоке близка изображениям на капителях с парными изображениями хищников.

Плоская форма и размещение рельефов на смежных гранях свидетельствуют о том, что этот резной каменный блок не был капителью. Он должен был быть зажат сверху и снизу в кладке, причем так, чтобы на ее поверхность выходили обе покрытые резьбой грани блока. Таким образом, он мог располагаться только на какой-то угловой части. Блок этот, получивший в литературе условное наименование “углового камня”, был найден при разборке слоя строительного мусора при разборке поздней закладки западного портала собора¹²³, и было бы логично предположить, что изначально он и был связан с системой его декорации. Однако различные исследователи по-разному определяют его изначальное местоположение в системе декоративного убранства собора.

А.М. Зорина предполагает, что он служил плинтовым камнем одного из архивольтов перспективного (западного) портала самого собора¹²⁴, а Е.В. Воробьева связывает его с порталом западной (несохранившейся) галереи¹²⁵. Однако независимо от того связан ли “угловой камень” с порталом самого собора или его галереи, для нас важно то обстоятельство, что наряду с рассмотренными выше фрагментом колонки и капителями он входил в систему декоративного убранства Борисоглебского собора.

Несмотря на то, что само здание, как мы уже знаем, было выстроено из плинфы, в системе его декорации были активно использованы резные белокаменные детали, вставленные в плинфяную кладку.

с Благовещенской церковью в Чернигове (Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 177), хотя сообщает, что найдена она была в закладке еще одного черниговского памятника Ильинской церкви (Воробьева Е. В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 177), что не соответствует действительности.

123 Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. С. 66.

124 Зорина А.М. Стилистические особенности белокаменных рельефов из Борисоглебского собора в Чернигове. С. 148.

125 Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 178.

Романский характер этих резных каменных деталей не вызывает сомнения ни у кого из писавших о них исследователей¹²⁶, хотя круг возможных аналогий и источников, предлагаемых ими для определения происхождения этой традиции в древнерусском зодчестве чрезвычайно широк – от Скандинавии до Италии и Далмации и от Балкан до Франции. Однако наиболее вероятной представляется версия о происхождении их мастеров из Северной Италии (рис. 39)¹²⁷. Светлая штукатурка, покрывавшая в древности поверхности стен Борисоглебского собора, как мы уже видели, была разграфлена на прямоугольники, имитирующие квадратную кладку,

39. Чернигов. Борисоглебский собор.
Завершающая часть фасадной
полуколонны с белокаменной капителью

в сочетании с белокаменной же резьбой и аркатурными поясами придавала собору откровенно романский стилистический характер, еще более подчеркнутый тем, что белокаменная резьба была применена здесь в откровенно романском контексте – в качестве капителей фасадных полуколонн и деталей перспективных порталов (которые также явно заимствованы из арсенала европейской романики). Таким образом, в этом памятнике черты, свойственные романской архитектуре, присутствуют настолько явно и

откровенно, что сомневаться в участии западных мастеров в создании черниговской школы зодчества сомневаться не приходится.

Обратимся теперь еще к одному черниговскому памятнику, и стилистически и по своим строительно-техническим особенностям входящему в эту же группу. Это – Ильинская церковь, служившая еще в домонгольское время наземным храмом пещерного монастыря на Болдиных горах в Чернигове (рис. 40-42)¹²⁸. Точная дата постройки этого храма также неизвестна, а диапазон его датировок, предлагаемых исследователями, колеблется в очень широких пределах от 70-х годов XI века (Н.В. Холостенко)¹²⁹ до конца XII –

126 Моргилевский И. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. С. 199; Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси. С. 88; Воробьева Е.В. Семантика и датировка черниговских капителей. С. 178; Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова. С. 28-34; Зорина А.М. Стилистические особенности белокаменных рельефов из Борисоглебского собора в Чернигове. С. 144-145, 148.

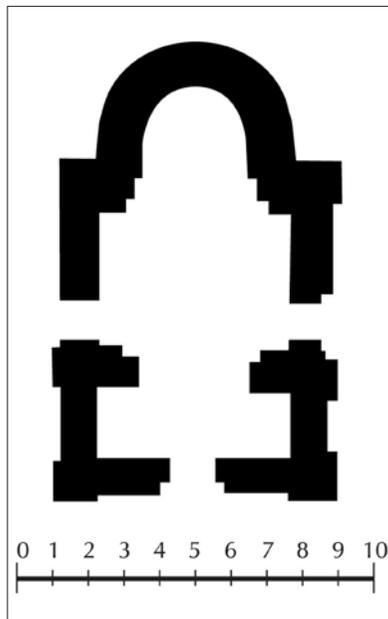
127 Иоаннисян О.М. Ломбардские зодчие на Руси: «Русская романика» XII века. С. 12-15.

128 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 46.

129 Холостенко Н. В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964-1965 годов. *Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси*. М., 1972. С. 97.

40. Чернигов. Ильинская церковь.
Общий вид

41. Чернигов.
Ильинская церковь. План

начала XIII века (Ю.С. Асеев и Г.Н. Логвин)¹³⁰. К вопросу о датировке этого храма также, как и других черниговских памятников, мы еще вернемся, а пока остановимся на характеристике самого здания и некоторых его особенностей.

По своему типу Ильинская церковь заметно отличается от Успенского и Борисоглебского соборов. Она представляет собой небольшой бесстолпный храм с одной апсидой и примыкающим с запада к основному объему нартексом¹³¹.

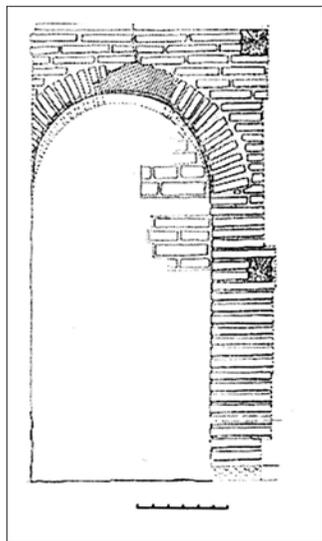
¹³⁰ Асеев Ю.С., Логвин Г.Н. Архитектура Іллінської церкви в Чернігові. С. 41.

¹³¹ В настоящее время церковь завершается тремя куполами, однако это результат ее перестройки в стиле украинского барокко в XVIII в., изначально же, церковь завершалась единственным куполом на световом барабане, расположенном над ее наосом.

42. Чернигов. Ильинская церковь.
Реконструкция Н.В. Холостенко

В этом смысле она гораздо ближе к малым бесстолпным храмам Переяславля, хотя буквально и не повторяет их. Во всем остальном Ильинская церковь выдает принадлежность к той же традиции, что и рассмотренные выше черниговские памятники. Так же, как и они, церковь сложена в технике равнослойной кладки с подрезкой швов между плинтами (рис. 43), а ее фасады были покрыты растворной затиркой с росписью, имитирующей белокаменную квадратную кладку¹³².

43. Чернигов. Ильинская церковь. Фрагмент кладки по Н.В. Холостенко

Угловые западные пилястры храма также сходятся между собой, не образуя закрестий, однако промежуточные фасадные пилястры, отвечающие месту примыкания нартекса, в отличие от Успенского и Борисоглебского соборов плоские и не имеют полуколонн.

Следов аркатурного пояска на фасадах церкви не обнаружено. Не известно – существовал ли он и на барабане в основании купола, поскольку при исследованиях церкви, проводившихся в 1948-1951 годах Ю.С. Асеевым и Г.Н. Логвиным, зондажи выше существующего карниза барабана не были выполнены¹³³, однако исследователи памятника все же предположили возможность его существования, показав на своей реконструкции аркатурный поясок, проходящий по барабану в основании купола¹³⁴.

Ильинская церковь имеет еще одну интересную деталь, не встречающуюся в Успенском и Борисоглебском соборе, но также как и другие особенности, свойственные этим памятникам, восходящую к формам романской архитектуры. Речь идет о карнизе с романской профилировкой (две полочки с выкружкой между ними), выявленном на северо-западной наружной пилястре. Следы такого же, стесанного позднее, карниза были прослежены и на фасадной северной стене нартекса к западу от пилястры¹³⁵. Не вызывает сомнения, что такой же карниз проходил и по южному фасаду здания к западу от его южной пилястры. К востоку от пилястр - на фасадных стенах основного объема – в этом уровне (а он соответствует основанию закомар) следы такого карниза отсутствуют. Появление этой особенности вызвано характером завершения

132 Асеев Ю.С., Логвин Г.Н. Архитектура Іллінської церкви в Чернігові. С. 33.

133 Там же. С. 34-36.

134 Там же. С. 40.

135 Там же. С. 33, 38.

храма. Его нартекс имеет ту же высоту, что и наос, однако цилиндрический свод, которым он перекрыт, имеет ось, направленную не поперек, а вдоль храма. Это дало возможность создателям церкви завершить ее западный фасад закомарой так же, как и боковые фасады основного объема. В таком случае на боковые фасады нартекса выходили склоны свода, которым он перекрыт, что и привело к появлению на них карниза, подчеркивающего завершение этих стен.

При исследованиях Ильинской церкви была выявлена еще одна необычная конструктивная особенность – в кладке стен нартекса были устроены разгрузочные арки. Одна из них была прослежена на северной стене¹³⁶. В других памятниках плинфяной домонгольской древнерусской архитектуры такой прием конструктивного решения стены совершенно не известен и, судя по всему, не применялся, однако он очень хорошо известен в романской архитектуре и, особенно, в архитектуре Северной Италии.

Итак, мы видим, что в конце XI – первой четверти XII в. в архитектуре Чернигова появляется направление, в котором теснейшим образом оказываются сплавлены типология и формы, связанные с уже сложившейся на Руси традицией, а также конструктивные и некоторые декоративные особенности, обязанные своим происхождением романской архитектуре. Если источник типологии форм черниговского зодчества не вызывает сомнения и его следует искать в архитектуре Константинополя (черниговский храм-усыпальница), Переяславля (Ильинская церковь) и Киева (черниговские Успенский и Борисоглебский соборы по своему типу явно восходят к Успенскому собору Киево-Печерского монастыря), то источник романских особенностей черниговского зодчества требует выяснения.

Сплав форм и особенностей древнерусской, византийской и романской традиций в черниговском зодчестве настолько органичен, что следует предположить, что романские элементы проникли туда из среды, где такое сочетание не могло быть случайным, и где мастера были хорошо знакомы как с традициями восточнохристианского зодчества, так и с приемами романской архитектуры. Ставя перед собой этот вопрос, П.А. Раппопорт так и оставил его открытым:

приехали ли эти мастера из какого-то центра, где византийская архитектура уже подверглась влиянию романской, или же это соединение византийских и романских особенностей произошло уже в Чернигове, пока неясно¹³⁷.

Высказываясь таким образом исследователь исходил из того, что проникновение романских черт в черниговское зодчество произошло в то время, когда Чернигом после ухода оттуда Владимира Мономаха

136 Там же. С. 33.

137 Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. С. 49.

начинают владеть князья Олег и Давид Святославичи, то есть уже после 1094 г., когда Мономах уступил им Чернигов, или даже после 1097 г., когда съезд князей в Любече закрепил за Святославичами права на черниговский престол. Однако, как мы уже видели, вопрос о датировке практически всех черниговских памятников интересующей нас группы неоднозначен. Поэтому обратимся к этой проблеме подробнее.

Как мы уже видели, в той или иной степени романские черты проявились в следующих памятниках Чернигова:

1. однокамерный терем, остатки которого обнаружены между Спасским и Борисоглебским соборами;
2. крещальня Спасского собора;
3. Успенский собор Елецкого монастыря;
4. Борисоглебский собор;
5. Ильинская церковь.

Наиболее ранним из них, по всей видимости, является терем. В.А. Богусевич и Н.В. Холостенко датируют его XI в.¹³⁸, хотя П.А. Раппопорт, в принципе соглашающийся с такой датировкой этой постройки, отмечает, что «по технике кладки она вполне может относиться и к началу XII в.»¹³⁹. Вместе с тем, следует обратить внимание на несколько обстоятельств, которые могут существенным образом уточнить относительную датировку этой постройки в общей системе других черниговских памятников. Рассмотрим их:

1) Н.В. Холостенко отмечает, что следы развала этого сооружения прослежены под полом Борисоглебского собора¹⁴⁰, следовательно, к моменту возведения последнего однокамерный терем должен был уже быть разрушен;

2) плинфа, из которой он был возведен (ее размеры 35-39 x 28 x 2,5-3 см), практически идентична плинфе, примененной в храме-усыпальнице, построенной еще Владимиром Мономахом, что свидетельствует о том, что эти два здания близки друг другу по времени создания;

3) система кладки, в которой был построен этот терем, характеризуемая Н.В. Холостенко как «смешанно-порядовая»¹⁴¹, носит явно переходный характер между классической для Константинополя, Киева XI века и Мономахова строительства в Чернигове кладкой *opus mixtum* со скрытым ря-

138 Богусевич В.А., Холостенко Н.В. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. С. 32-34.

139 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 41.

140 Холостенко Н.В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. С. 7-17.

141 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 64.

дом, и новой системой порядовой кладки. Это также свидетельствует о хронологической близости терема храму-усыпальнице и двухкамерному терему, остатки которого были обнаружены под Борисоглебским собором.

Таким образом, хронологически первой постройкой в ряду интересующих нас памятников Чернигова следует считать однокамерный терем, остатки которого находятся между Спасским и Борисоглебским соборами. При этом практически полная идентичность его плинфы черниговским постройкам Владимира Мономаха заставляет нас предполагать, что время его создания также относится к годам княжения этого князя в Чернигове – то есть второй половине 80-х – первой половине 90-х годов XI в. (до 1094 г.).

Следующей постройкой в этом ряду, по всей видимости, следует считать юго-западную крещальню Спасского собора. В ней, так же, как и в однокамерном тереме, характер кладки носит переходный от старой системы к новой смешанно-порядовый характер¹⁴². Формат плинфы, из которой построена крещальня, составляет 32 x 27 x 2,5-3 см¹⁴³, близок формату плинфы однокамерного терема, хотя его ложковый параметр и значительно меньше. Это обстоятельство может говорить и о более поздней датировке этой каплицы, однако идентичность системы ее кладки системе кладки однокамерного терема не дает возможности разносить эти памятники по времени далеко друг от друга. Таким образом, время возведения этой небольшой постройки также должно уложиться в конец XI века. Учитывая небольшие размеры этой постройки, можно предположить, и что она могла быть возведена и одновременно с однокамерным теремом.

Если судить по формату плинфы, то вслед за этими памятниками следует Ильинская церковь. Размер ее плинфы 33-36 x 27-28 x 3-3,5 см¹⁴⁴. Как мы уже видели, разброс ее датировок, предлагаемых исследователями, достаточно широк – от второй половины XI в. (Н.В. Холостенко)¹⁴⁵ до конца XII – начала XIII в. (Ю.С. Асеев и Г.Н. Логвин)¹⁴⁶. В XIX – начале XX века большинством исследователей была принята датировка храма XI в.¹⁴⁷,

142 Там же.

143 Там же.

144 Холостенко Н.В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964-1965 годов. С. 98.

145 Там же.

146 Асеев Ю.С., Логвин Г.Н. Архітектура Іллінської церкви в Чернігові. С. 41.

147 Филарет. *Историко-статистическое описание Черниговской епархии*. Кн. II. Чернигов, 1873. Ч. 1; Ефимов А. *Черниговский Святотроицкий Ильинский монастырь*. Чернигов, 1911. С. 3; Горностаев Ф.Г. Об архитектуре древних храмов Чернигова домонгольского периода. *Труды XIV археологического съезда в Чернигове*. 1899. Т. III. М., 1911. С. 66; Айналов Д.В. Архитектура черниговских храмов (протокол доклада). *Труды XIV археологического съезда в Чернигове*. 1899. Т. III. М., 1911, прот. С. 67.

основанная на том, что само основание пещерного Ильинского монастыря в летописи датировано 1069 годом.¹⁴⁸ К этой дате или уже к 1070-м гг. и привязывали обычно дату постройки Ильинской церкви. Однако в эти годы, как мы уже знаем, монументальное строительство не выходило за пределы Киева, и даже если предположить, что Ильинский храм в Чернигове был возведен по инициативе монахов Киево-Печерского монастыря, которыми и основывается пещерный монастырь на Болдиных горах в Чернигове, и которыми как раз в эти годы (1073-1075) был построен Успенский собор в Печерском монастыре в Киеве¹⁴⁹, эту датировку вряд ли следует считать правильной. Как мы уже видели, техника строительства, в которой возведена Ильинская церковь, ничего не имеет общего с константинопольско-киевской кладкой, в которой был построен собор Киево-Печерского монастыря и другие киевские памятники второй половины XI в., но в то же время явно принадлежит к той же традиции, с которой связаны однокамерный терем и юго-западная крещальня Спасского собора в Чернигове. При этом Ильинская церковь по целому ряду признаков является уже следующим шагом в развитии этой традиции. Здесь значительно уменьшается толщина шва между плинфами, а сама кладка становится чисто равнослойной, в ней пропадают участки смешанной кладки, еще встречающиеся в однокамерном тереме и юго-западной крещальне Спасского собора, появляется односторонняя верхняя подрезка швов между плинфами, которая в двух названных выше постройках еще отсутствует¹⁵⁰, фасады покрываются известковой затиркой с росписью, имитирующей квадратную кладку, чего еще не было ни в тереме, ни в крещальне. В то же время, такие развитые черты романской архитектуры, как полуколонны на фасадах и аркатурный пояс, свойственные Успенскому собору Елецкого монастыря и Борисоглебскому собору, в Ильинской церкви еще отсутствуют. Полуколонны на фасадах отсутствуют и в однокамерном тереме и юго-западной крещальне Спасского собора, и в этом плане Ильинская церковь ближе к ним, чем к Успенскому и Борисоглебскому соборам. Таким образом, Ильинская церковь занимает промежуточное положение между однокамерным теремом и юго-западной крещальней Спасского собора с одной стороны и Успенским и Борисоглебским соборами в Чернигове – с другой. Как мы уже видели, однокамерный терем и юго-западную крещальню Спасского собора, скорее всего, следует датировать 80-ми – началом 90-х годов XI века. По-видимому, Ильинская церковь была построена вскоре вслед за ними – в 90-х годах XI века. Близость ее типа бесстолпным храмам Переяславля, которые возводятся как раз в эти годы

148 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 272.

149 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 23.

150 Холостенко Н.В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964-1965 годов. С. 98.

(1090-1100-е гг.), также заставляет нас склоняться к этой же датировке. Возможная связь с переяславльским зодчеством, по всей видимости, также не случайна – в 90-е годы оба этих престола занимал Владимир Мономах (в Чернигове до 1094 г.). Как мы уже предположили выше, именно с его строительной активностью связано появление однокамерного терема. Даже если предположить, что Ильинская церковь была построена уже после 1094 г., то есть после того как Мономах покинул черниговский престол, уйдя в Переяславль и уступив Чернигов Олегу Святославичу, артель, услугами которой он пользовался в Чернигове, скорее всего осталась в распоряжении князей династии Святославичей и продолжала там работать, развивая дальше те традиции, которые были заложены в черниговском строительстве Владимира Мономаха.

В то же время, какая-то часть этих мастеров могла уйти с Владимиром Мономахом в Переяславль. На наш взгляд, свидетельством этого может служить небольшой бесстолпный одноапсидный храм, напоминающий по своему типу Ильинскую церковь в Чернигове (но без нартекса), остатки которого были раскопаны под деревянной Успенской церковью XVIII в. во время строительства в 1888 г. на ее месте нового каменного храма. Памятник был исследован П.А. Лашкаревым¹⁵¹. Его остатки были сохранены в подклете ныне существующего здания церкви 1888 г.¹⁵² Впоследствии этот памятник вновь был изучен Б.А. Рыбаковым в 1945 г.¹⁵³

П.А. Лашкарев и вслед за ним Б.А. Рыбаков отождествили его с церковью Богородицы, которую по сведениям Ипатьевской летописи Владимир Мономах построил в 1098 г. в «Переяславли на княже дворе»¹⁵⁴. Фасады этого небольшого храма имеют пилястры с полуколоннами, подобными полуколоннам Успенского собора Елецкого монастыря и Борисоглебского собора в Чернигове. Именно это обстоятельство дало основание М.К. Каргеру сомневаться в том, что открытый П.А. Лашкаревым памятник следует отождествлять с мономаховой Богородичной церковью 1098 года, и датировать его временем не ранее середины XII в.¹⁵⁵ К этому же мнению присоединился и П.А. Раппопорт, считавший вслед за М.К. Каргером, что «на основании техники кладки и профилировки пилястр памятник следует относить ко времени не ранее середины XII века»¹⁵⁶.

151 Лашкарев П. *Церковно-археологические очерки*. К., 1898. С. 221-229.

152 Раппопорт П.А. *Русская архитектура X-XIII вв.* С. 35.

153 Рыбаков Б.О. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. *Археологічні пам'ятки УРСР*. Т. 1. К., 1949. С. 24-25.

154 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 248.

155 Каргер М.К. Памятники переяславского зодчества XI-XII вв. в свете археологических исследований. *СА*. 1951. Т. 15. С. 49-50.

156 Раппопорт П.А. *Русская архитектура X-XIII вв.* С. 35.

Давая памятнику такую датировку, и М.К. Каргер, и П.А. Раппопорт исходили из того, что возникновение этого, нового для древнерусского зодчества, стилистического направления, выразившегося, в частности, в применении равнослойной кладки и полуколонн на фасадных пилястрах, они, как и большинство других исследователей, связывали со строительной деятельностью черниговских князей Святославичей и относили время его сложения к первой трети XII века, а расцвет – к середине и второй половине этого столетия. Однако, как мы уже видели, время сложения этого направления и проявления черт романской архитектуры в древнерусском зодчестве следует относить к годам княжения в Чернигове Владимира Мономаха, то есть к 80-м – первой половине 90-х годов XI в. Причем из всех черниговских памятников, принадлежащих к этому направлению, наиболее близкой, как по своим строительным и стилистическим особенностям, так и по типу к бесстолпному храму под Успенской церковью в Переяславле является Ильинская церковь, которая, как мы только что видели, скорее всего была возведена как раз в 90-х гг. XI ст.¹⁵⁷ Если предположить, что после того, как Владимир Мономах в 1094 г. ушел из Чернигова в Переяслав, часть оставшейся в Чернигове у Олега Святославича артели ушла все же за Владимиром, можно понять появление необычайно близкого возведенной буквально в те же годы Ильинской церкви памятника и в Переяславле. Таким образом, отпадает и необходимость критического отношения к летописной дате памятника, довольно точно, судя по посвящению стоявшего на этом месте более позднего храма, привязываемой к летописному сообщению о строительстве Владимиром Мономахом дворцовой церкви. Как правило, традиция сохранения старого посвящения довольно долго, даже в течение многих столетий спустя, сохранялась в случае разрушения или перестройки древних храмов, проявляясь иногда даже в том случае, если новый храм на этом месте не возводился, в характерном названии местности или урочища, где он когда-то находился¹⁵⁸.

Следующим по времени памятником этой группы, по нашему мнению, следует считать Успенский собор Елецкого монастыря. По своим архитектурным формам он, несомненно, представляет собой уже следующий

157 Подробнее см. об этом: Иоаннисян О.М. О двух памятниках переяславского зодчества и об их месте в общей картине развития архитектуры Руси конца XI – первой трети XII века (Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород и Псков в их архитектурном взаимодействии). *Наукові записки з української історії*. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005. С. 166.

158 О сохранении этой традиции и преемственности в посвящении и в расположении храмов см.: Коваленко В.П. Древнерусские храмы Чернигова. *Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Паушто*. Тезисы докладов. М., 1995. С. 23.

шаг в развитии стилистических и строительно-технических особенностей черниговского зодчества, которые присутствуют в этом памятнике уже в окончательно сложившемся виде. Размеры его плинфы несколько меньше размеров плинфы Ильинской церкви и колеблются в следующих пределах: 32-35 x 26-28 x 2,5-4 см¹⁵⁹. Учитывая закономерность изменения форматов плинфы, установленную работами П. А. Раппопорта¹⁶⁰, Г. М. Штендера¹⁶¹ и Н.В. Холостенко¹⁶², плинфа Успенского собора Елецкого монастыря занимает промежуточное место между Ильинской церковью и Борисоглебским собором. Именно на это место и поместил Успенский собор Н.В. Холостенко¹⁶³. При этом исследователь не выводит памятник за пределы XI в., предположительно датируя его в пределах между 1094 и 1097 г.¹⁶⁴ Еще более раннюю дату предлагали исследователи начала XX в., основывавшиеся на сведениях церковной хроники XVII века, составленной Иоанникием Галятовским, который возводит время основания Елецкого монастыря к 1069 г. и связывает его с именем киевского князя Святослава Ярославича (умер в 1073 г.) – отца черниговских князей Олега и Давида Святославичей, а постройку каменного собора относит к началу 1070-х гг.¹⁶⁵ Однако, как мы уже видели на примере Ильинской церкви, появление памятника с такими чертами в Чернигове в эти годы было невозможно. Поэтому столь раннюю датировку собора следует отвергнуть.

Все остальные исследователи датируют собор в пределах уже XII в. И.В. Моргилевский основывает свою точку зрения лишь на том основании, что в XI в. черты романского стиля не смогли бы проявиться в Чернигове, потому что в это время романский стиль в архитектуре Западной Европы находится еще в стадии формирования¹⁶⁶. Однако, как мы уже видели, это совсем не так. Формирование романского стиля начинается еще на рубеже X и XI веков, и к концу XI столетия во многих странах (Германия, Франция,

159 Холостенко Н.В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964-1965 годов. С 98.

160 Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнерусского зодчества по формату их кирпича. *Новейшие открытия советских археологов*. К., 1975. С. 87-88; Раппопорт П.А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича. *СА*. 1976. № 2. С. 83-93; Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси. X-XIII вв. С. 36-37.

161 Штендер Г.М. О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода. *ПК НО-1977*. М., 1977. С. 442, прим. 14. Табл. на С. 443.

162 Холостенко Н.В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964-1965 годов. С. 98-103.

163 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 64-65.

164 Там же. С. 65.

165 Добровольский П.М. *Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь. Историческое описание*. К., 1900. С. 5.

166 Моргилевский И. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. С. 200.

Италия) он достигает уже очень высокого уровня развития. Ю.С. Асеев, датирующий собор серединой XII в.¹⁶⁷, и Г.Н. Логвин, определяющий время его создания как вторую половину XII в.¹⁶⁸, свою датировку никак не аргументируют.

Е.В. Воробьева и А.А. Тиц относят постройку Успенского собора ко времени княжения Давида Святославича (1097-1123), сменившего на черниговском престоле своего брата Олега Святославича и датируют храм 1110-ми гг.¹⁶⁹

На наш взгляд, истина лежит между датировками, предложенными Н.В. Холостенко и Е.В. Воробьевой и А.А. Тицем. Строительно-технические особенности памятника, характер его плинфы свидетельствуют о том, что собор должен был быть построен уже после Ильинской церкви, то есть на рубеже XI и XII веков. Однако вряд ли это могло произойти в годы княжения Олега Святославича (1094-1097), как считает Н.В. Холостенко¹⁷⁰. Трехлетний период княжения Олега Святославича в Чернигове был временем беспокойным, характеризовавшимся многократными вспышками борьбы и замирений с Мономахом. Кульминацией этой борьбы за владение Черниговским княжеством был бой за Чернигов в 1096 г., в подробностях описанный самим Владимиром Мономахом в его *Поучении*¹⁷¹. Вряд ли в это время Олег, больше занятый организацией походов и союза с половцами, мог предпринять строительство столь большого собора, как Успенский. Даже если строительство собора и началось при его княжении закончиться оно должно было уже в то время, когда Чернигов был окончательно закреплен за Святославичами решением Любечского съезда князей, и на черниговском престоле оказался его брат Давид Святославич. Таким образом, наиболее реальным временем для строительства Успенского собора Елецкого монастыря оказываются, как и предполагали Е.В. Воробьева и А.А. Тиц, годы княжения Давида Святославича. В то же время, строительство собора, по всей видимости, происходило не между 1110 и 1120 годами, как считают эти исследователи¹⁷², а раньше – во второй половине 90-х годов XI – первой декаде XII в.

167 Асеев Ю.С. Архитектура Южной и Западной Руси в XII-XIII в. С. 573-574; Асеев Ю.С. Архитектура Середнього Придніпров'я та Галицько-Волинських земель у XII-XIII століттях. *Історія українського мистецтва*. Т. I. К., 1966. С. 201.

168 Логвин Г. *Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль*. С. 85.

169 Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. С. 101, 108.

170 Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове. С. 65.

171 Поучение Владимира Мономаха. С. 404.

172 Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. С. 108.

Последнее место в этом ряду памятников занимает Борисоглебский собор, в котором романские воздействия проявились наиболее выразительно – вплоть до использования каменной скульптурной резьбы. На это место его помещают практически все исследователи, за исключением В.Г. Пуцко, допускающего возможность датировки этого собора 1086-1089 годами, то есть временем Владимира Мономаха¹⁷³. Но и среди исследователей, датирующих его временем уже после создания Ильинской церкви и Успенского собора, также нет единого мнения. Ю.С. Асеев, определяет время создания Борисоглебского собора как 70-е гг. XII вв, считая, что он был возведен в ходе реконструкции комплекса княжеского двора в Чернигове, предпринятой наследниками Давида Святославича¹⁷⁴. Все другие исследователи, обращавшиеся к этому памятнику, ограничились верхней хронологической границей времени его появления 1123 годом – годом смерти Давида Святославича. Все они совершенно справедливо исходили из того, что именно этого князя следует считать строителем собора, поскольку описывая гибель и погребение его сына Изяслава Давидовича, летописец говорит о том, что этот князь был погребен «в отни ему церкви»¹⁷⁵, то есть в родовом храме его отца – Давида Святославича, а в *Слове о князьях* – литературном памятнике XII в. – Давид Святославич прямо назван создателем Борисоглебского собора, в котором он и был погребен¹⁷⁶. Г.Н. Логвин датирует собор 1123 годом¹⁷⁷. Н.В. Холостенко укладывает время его создания между 1115 и 1123 годами, считая что идея построить собор, посвященный святым Борису и Глебу, один из которых – Глеб – был небесным покровителем князя Давида, крещальным именем которого было Глеб¹⁷⁸, возникла у Давида Святославича после того, как он принял участие в перенесении мощей Бориса и Глеба в их храм-мавзолей в Вышгороде в 1115 г.¹⁷⁹ Е.В. Воробьева и А.А. Тиц сужают этот хронологический промежуток, помещая время строительства собора между 1120 и 1123 годами¹⁸⁰, а П.А. Раппопорт раздвигает его, опуская нижнюю границу возможного начала строительства до 1097 г.¹⁸¹, то есть года, когда Давид Святославич вступил на черниговский престол.

173 Пуцко В.Г. Мистецтво Київської Русі близько 1110 р. С. 51.

174 Асеев Ю.С. Архитектура Южной и Западной Руси в XII-XIII в. С. 572.

175 *ПСРЛ*. Т 2. Стб. 518.

176 Слово о князьях. *Художественная проза Киевской Руси XI-XIII вв.* М., 1957. С. 239.

177 Логвин Г. *Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль*. С. 51.

178 По-видимому, именно поэтому собор в течение долгого времени назывался не Борисоглебским, а Глеборисовским (Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. С. 107).

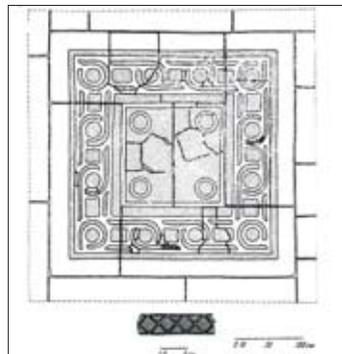
179 Холостенко Н.В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 188.

180 Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. С. 108, 111.

181 Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. С. 41.

О том, что Борисоглебский собор стоит последним в ряду рассмотренных памятников, говорят и его наиболее развитые по сравнению даже с Успенским собором романские формы – именно в этом соборе наряду с аркатурным пояском, полуколоннами на фасадах и имитацией квадратной кладки появляется и романская по своему характеру каменная скульптурная резьба. О более позднем, по сравнению с Успенским собором Елецкого монастыря, времени создания Борисоглебского собора свидетельствует и формат его плинфы (31-34 x 24-28 x 3,5-5 см) – меньший, чем в Успенском соборе.

Датировку Борисоглебского собора, предлагаемую Ю.С. Асеевым, относящим памятник ко второй половине XII в.¹⁸², следует признать слишком поздней. Помимо уже приведенных аргументов об этом, в частности, свидетельствует и такая примененная в этом памятнике деталь убранства интерьера, как набранный из шиферных плит со смальтовыми инкрустациями омфалий (рис. 44)¹⁸³. В древнерусском зодчестве такая техника декоративного убранства характерна для ранних этапов его развития и не выходит за пределы первой трети XII в.¹⁸⁴

44. Чернигов. Борисоглебский собор. Шиферный омфалий
а – современный вид; б – чертеж Н.В. Холостенко

Итак, последовательность создания черниговских памятников представляется нам следующим образом:

182 Асеев Ю.С. *Джерела. Мистецтво Київської Русі*. К., 1980. С. 156.

183 Пуцко В.Г. Чернігівські мозаїчні омфалії XII ст. *Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя*. Чернігів, 1995. С. 75-76.

184 Каргер М.К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. *Труды Всероссийской академии художеств*. Т. 1. Л.-М., 1947. С. 15; Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси. X-XIII вв. С. 96.

Однокамерный терем	1080-1094
Юго-западная крещальня Спасского собора	до 1094 года
Ильинская церковь	1090-е годы
Успенский собор Елецкого монастыря	1090-1100
Борисоглебский собор	между 1097 и 1123 годом (наиболее вероятно 1115-1123)

Если принять такую последовательность и предложенные датировки создания памятников, станет ясно, что романские черты и новая стилистика появились в черниговском зодчестве еще в годы правления Владимира Мономаха, а не черниговских князей Олега и Давида Святославичей, как предполагал П.А. Раппопорт¹⁸⁵.

Как мы уже видели, определяя возможный источник происхождения романских элементов в черниговском зодчестве, П.А. Раппопорт исходил из того, что их проникновение в архитектуру Чернигова произошло тогда, когда им начинают владеть князья Олег и Давид Святославичи (то есть после 1094 г., когда Владимир Мономах уступил им Чернигов, или даже после 1097 г., когда съезд князей в Любече закрепил за Святославичами права на черниговский престол). Считая, что сочетание романских и византийских форм в архитектуре Чернигова стало возможным в годы правления Олега и Давида Святославичей, П.А. Раппопорт исходил из того, что до вокняжения на черниговском престоле эти князья находились в изгнании в Византии на острове Родос, откуда, по его предположению, они и могли привезти мастеров, в творчестве которых сочетались традиции византийской и романской архитектуры¹⁸⁶. Остров Родос, где пересекались пути ромеев и крестоносцев, казалось бы, идеально подходит для роли возможного источника происхождения форм черниговской архитектуры, однако ничего похожего на черниговские памятники ни по стилистике, ни по строительной технике в архитектуре Родоса XI–XII веков мы не находим¹⁸⁷.

Попытки связать возможный источник происхождения форм черниговской архитектуры с династическими связями Олега и Давида Святославичей также успеха не приносят. Олег Святославич был женат на патрицианке из знатного византийского рода Феофании Музалон¹⁸⁸, а Давид

185 Раппопорт П.А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в.. *КСИА*. Вып. 179. М., 1984. С. 62; он же. *Зодчество Древней Руси*. Л., 1986. С. 52-55.

186 Раппопорт П.А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. С. 62; он же. *Древнерусская архитектура*. С. 49.

187 Об архитектуре Родоса см. работу А. Орландоса, опубликованную в: *Αρχαιον των Βυζαντινων Μνημει Ελλαδοζ συντακδομενον υπο Αναστασιο Κ.Ορλανδοσ, 6* (Αθηνα, 1948)

188 N. de. Baumgarten, "Généalogies et mariages occidentaux des rurikides russes du Xe au XIIIe siècle," 18.

189 Ibid.

Святославич — на маркграфине из рода Дитмаршен¹⁸⁹. Однако византийская архитектура XI–XII вв. и за пределами Родоса не дает нам возможности обнаружить что-либо близкое черниговским памятникам, а на территории маркграфства Дитмаршен, связанного с датским королевством (ныне — территория земли Шлезвиг-Гольштейн в Северной Германии), развитие архитектуры в это время, на рубеже XI и XII вв., еще только начинается, и вряд ли она каким-либо образом смогла оказать воздействие на архитектуру другой страны.

Как мы уже видели выше, проникновение романских черт в черниговское зодчество происходит не при князьях Святославичах, а раньше — в те годы, когда Черниговом владел еще Владимир Мономах, и при этом наиболее вероятным источником этих «романизмов» является архитектура Северной Италии. В связи с этим возникает вопрос — каким путем смог Владимир Мономах воспользоваться услугами ломбардских мастеров, существовали ли какие-нибудь связи между им и Италией? Но именно в эпоху княжения Владимира Мономаха такие связи были весьма тесными. Родная сестра Владимира Мономаха — Евпраксия Всеволодовна — первым браком была замужем за маркграфом Северной Саксонии Генрихом Длинным Штаденским, а после его смерти в 1088 г., как раз в годы правления Мономаха в Чернигове, обручилась с германским императором Генрихом IV, во владения которого входила и Северная Италия. При коронации в следующем, 1089 г., она получила имя Адельгейды¹⁹⁰. В 1090 г. вместе с Генрихом IV она приезжает в Италию, с которой будет связана вся ее жизнь после развода с императором, вплоть до возвращения на Русь в 1106 г. В развернувшейся борьбе гвельфов и гибеллинов Евпраксия активно участвует на стороне первых. Она дважды выступала на церковных соборах в Констанце и Пьяченце, была близка папе Урбану II и тосканской герцогине Матильде, в состав владений которой входила и Лангобардия (Ломбардия). В замке Матильды — Каноссе, также расположенном на территории Северной Италии, Евпраксия-Адельгейда бывала неоднократно. Показательно, что все описываемые события происходили как раз в то время, когда брат Евпраксии Владимир Мономах занимал черниговский престол, будучи в то же время фактическим соправителем своего отца — киевского князя Всеволода Ярославича. О том, что Владимир, находясь в Чернигове, активно участвовал в управлении Киевом, а практически и всей Русью и был соправителем своего могущественного, но находившегося уже в преклонном возрасте отца, свидетельствует, в частности, и его собственное

190 См. о ней: Розанов С.П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071-1109). *Известия АН СССР. Сер. 7. Отделение гуманитарных наук.* 1929. № 8. С. 617-646. См. также: Рамм Б. Я. *Папство и Русь в X-XV веках.* М.-Л., 1959. С. 71-72; Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси.* М., 1968. С. 125-127.

признание о многочисленных его поездках из Чернигова в Киев, сделанное им в своем *Поучении*, где Мономах говорит о том, что за годы его княжения в Чернигове он около 100 раз «А и-Щернигова до Кыева нестищды (около 100 раз - О.И.) ездих ко отцю...»¹⁹¹.

Не прекращавшиеся все эти годы связи Евпраксии с Русью и могли послужить источником появления на Руси североитальянских мастеров.

С Италией же связан и другой немаловажный эпизод политической жизни Руси конца XI в. В 1088 г. в Киев к Всеволоду Ярославичу в качестве посла от его зятя – императора Генриха IV – приезжает легат антипапы Климента III, бывшего одновременно и архиепископом Равенны, некий кардинал Григорий из церкви Сан-Витале в Равенне¹⁹². Целью этих переговоров было предложение о воссоединении русской церкви с римской, причем кардинал от имени Климента III предлагал князю «щедрое дарения и выгоды»¹⁹³. И Климент III, и его легат кардинал Григорий были связаны с Равенной, где, как мы уже видели, еще с византийского времени сохранялась традиция кирпичного строительства, которое велось в равнослойной кладке. Не исключено, что одним из «щедрых дарений» Климента оказалась и артель строительных мастеров, которая по прибытии на Русь оказалась в распоряжении не Всеволода, и так располагавшего в своем Киеве достаточным количеством мастеров, чтобы вести строительство, а его сына и фактического соправителя Владимира Мономаха, который в это время начинал вести строительство в своем уделе в Чернигове.

И, наконец, в 80-х гг. XI ст. происходит еще один эпизод, свидетельствующий об активных связях между Италией и Русью, существовавших в это время. Причем показательно, что в связи с ним в источнике, восходящем к рубежу XI и XII вв., упоминаются вместе киевский князь Всеволод Ярославич и его сын – черниговский князь Владимир Мономах. Речь идет о перенесении мощей одного из наиболее почитаемых христианских святых – святого Николая из города Миры в Ликии в итальянский город Бари, которое состоялось 9 мая 1087 г.¹⁹⁴ В 1089 г. в Бари начинается строительство базилики над мощами святого Николая, закончившееся уже в XII ст.¹⁹⁵ Казалось бы, в этом факте нет ничего связанного ни с Русью, ни, тем более, с личностью Владимира Мономаха. Однако, есть обстоятельство,

191 Поучение Владимира Мономаха. С. 406, 407.

192 Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. I, 1-й полутом. М., 1901. С. 595; V. Leib, *Rom, Kiev et Byzance á la fin du XIe siècle* (Paris, 1924), 23, 34; Рамм Б.Я. *Папство и Русь в X-XV веках*. С. 68-69; Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. С. 130.

193 Рамм Б.Я. *Папство и Русь в X-XV веках*. С. 69.

194 Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. I, 2-й полутом. М., 1904. С. 398-399; Макарий (Булгаков). *История русской церкви*. Кн. II. М., 1995. С. 211, 555-557.

195 A. McLean, "Romanesque Architecture in Italy," 106-108.

которое заставляет нас усматривать прямую связь этого события и с Русью, и с Владимиром Мономахом. Несмотря на то, что святой Николай является одним из наиболее почитаемых святых во всем христианском мире, ни одна православная восточнохристианская церковь не отмечает день переноса его мощей – 9 мая – в качестве церковного праздника. Однако на Руси уже с рубежа XI и XII вв., то есть еще в годы правления Владимира Мономаха, этот день начинает почитаться как один из наиболее почитаемых церковных праздников¹⁹⁶. Более того, в это время на Руси возникает литературное произведение, специально посвященное этому событию – *Слово о перенесении мощей святителя Николая*¹⁹⁷. Интересно, что в самом раннем варианте этого произведения, восходящем к рубежу XI и XII веков, то есть к эпохе княжения Мономаха, имеется весьма примечательное уточнение, указывающее на то, в годы чьего правления произошло это событие:

*... при цари гречестем и самодѣржци Константина града Алексеи Комнине и патриарсе его Николе, а в лето русских наших князей, христолюбиваго и великаго князя нашего Всеволода в Киеве и благороднаго сына его Володимера в Чернигове*¹⁹⁸.

Автор этого “Слова”, по всей видимости, совершенно не случайно поместил в текст сообщения о событии, происходившем далеко от Руси и, на первый взгляд, не имевшем к ней никакого отношения, имена русских князей, не присутствовавших на перенесении мощей из Мир в Бари. Три года спустя после этого события, в 1091 г., по сообщению Никоновской летописи, на Русь к Всеволоду Ярославичу от папы Урбана II прибывает некий епископ Феодор¹⁹⁹. По сведениям некоторых западных источников, Феодор прибыл в Киев «с мощами Николая Мирликийского в связи с установлением русской церковью праздника в честь этого святого»²⁰⁰. По предположению, Б.Я. Рамма, епископ Феодор был приближенным киевского митрополита Иоанна, автора знаменитого *Послания к папе римскому Клименту*²⁰¹, написанного в ответ на уже упоминавшиеся выше предложения папского

196 Шляпкин И. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. *Памятники древней письменности*. СПб., 1881. С. 3-23; Голубинский Е. *История русской церкви*. Т. I. 1-й полутом. С. 773; Т. I. 2-й полутом. С. 398-399; Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. С. 130-131.

197 *Слово о перенесении мощей святителя Николая*. Макарий (Булгаков). *История русской церкви*. Кн. II. М., 1995. С. 555-557; Крутова М.С. *Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности*. М., 1997. С. 51-58, 135-136, 175-177.

198 Слово о перенесении мощей святителя Николая. С. 555.

199 *ПСРЛ*. Т. IX. СПб., 1885. С. 116.

200 Рамм Б. Я. *Папство и Русь в X-XV веках*. С. 70, прим. 115.

201 К архиепископу Римскому от Иоанна митрополита Русского о опресноцах. *Ученые записки II отделения императорской Академии наук*. Кн. II. СПб., 1854. С. 1-20.

легата равеннского кардинала Григория о воссоединении церквей²⁰². Как предполагает Б.Я. Рамм, епископ Феодор специально был послан к папе с этим посланием, откуда и вернулся с мощами святого Николая и новым предложением о воссоединении церквей²⁰³. Вопрос о воссоединении церквей, ставший актуальным для Запада в связи с подготовкой I крестового похода, за два года до этого, в 1089 г. – году перенесении мощей святого Николая в Бари – специально рассматривался на соборе в итальянском городе Мальфи, где папа пытался создать союз с Византией²⁰⁴. Поскольку отношения с Константинопольской церковью папе так и не удалось наладить, особое внимание им было обращено на Русь, которую он, также, как и его противники – антипапа Климент и император Генрих IV – пытался склонить на свою сторону, результатом чего и стал брак княжны Евпраксии с императором. Отношения Руси с Западом и ее вовлеченность в европейские дела в 80-90-х годах были настолько активными, что это даже дало основания В.Т. Пашуто предполагать, будто представители киевского митрополита и князя Всеволода Ярославича принимали участие в Мальфийском соборе²⁰⁵, в преддверии которого и произошел перенос мощей святого Николая в Бари. Как считает исследователь, «судя по веским деталям», автор *Слова* “присутствовал и при состоявшемся через три года (в 1091 году – *О.И.*) освящении Урбаном II храма в честь Николая»²⁰⁶.

Воссоединения римской и русской церквей так и не произошло, однако святой Николай именно с этого времени становится одним из наиболее почитаемых святых на Руси. Кстати, по всей видимости, именно при Всеволоде, в конце XI века, в Киеве возводится Никольская церковь²⁰⁷, известная под именем Николы Иорданского, а его внуком, сыном Владимира Мономаха, новгородским князем Мстиславом, в 1113 г. (год занятия Мономахом киевского престола) в Новгороде на территории городской княжеской резиденции – Ярославовом Дворище – возводится большой собор Николы на Дворище, который, по мысли его заказчика князя Мстислава Владимировича, должен был противостоять Софийскому собору, над которым он потерял юрисдикцию²⁰⁸. Показательно, что возведение и ранняя история этих первых на Руси Никольских храмов сопровождалось

202 Рамм Б. Я. *Папство и Русь в X-XV веках*. С. 70.

203 Там же.

204 Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. С. 130-131.

205 Там же. С. 131.

206 Там же.

207 Петров Н.И. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. К. 1897. С. 37-38; Шероцкий К. *Киев. Путеводитель*. Киев, 1917. С. 204; Каргрер М.К. *Древний Киев*. Т. II. М.-Л., 1961. С. 407-408.

208 Раппопорт П.А. *Зодчество Древней Руси*. С. 69-70.

чудесами, которым были посвящены составленные тогда же, на рубеже XI и XII вв. *Сказания: Сказание о чуде св. Николая над половчином*, связанное с Никольской церковью в Киеве²⁰⁹, и *Сказание о чудотворном образе св. Николы Дворищенского*, связанное с Николодворищенским собором в Новгороде²¹⁰. Важно и другое обстоятельство – все эти три литературных произведения конца XI – начала XII вв. связаны с именами трех князей – киевского князя Всеволода Ярославича, его сына Владимира Мономаха, бывшего в это время черниговским князем, и сына Владимира Мономаха – новгородского, а впоследствии киевского князя Мстислава Владимировича Великого, который, подобно тому, как его отец еще будучи черниговским князем был соправителем Всеволода, стал фактическим соправителем Мономаха еще будучи новгородским князем²¹¹.

Таким образом, мы можем убедиться, что вторая половина 80-х – начало 90-х годов XI века, когда Владимир Мономах находится на черниговском престоле, стали временем активных контактов Руси с Западом и, особенно, с Италией. Об этом помимо приведенных фактов свидетельствуют и граффити, оставленные в это время русскими людьми, посетившими Италию, на архитраве портала собора Сан-Мартино в Лукке: «Лазорь псальь Яршевичь, Ростиславль» и «Дьякон моурумский псальь»²¹².

Многие происходившие на рубеже XI и XII вв. события оказывались непосредственным образом связанными и с далекой от Италии Русью. Несмотря на то, что официально эти события связывались с великим киевским князем Всеволодом Ярославичем, их участником оказывался и его сын и соправитель черниговский князь Владимир Всеволодович Мономах. Поэтому совершенно не случайно в *Слове о перенесении мощей святителя Николая* наряду с киевским князем Всеволодом упомянут и Владимир Мономах, подчеркнуто названный князем черниговским. Интересно, что некоторые исследователи предполагают, что автором этого *Слова* был никто иной, как переяславский епископ и титулярный митрополит Ефрем²¹³, который,

209 Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.)* [Subsidia Byzantinorossica. T. I.] СПб. 1996. С. 221-222; Крутова М.С. *Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности*. С. 173.

210 Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. С. 173-174, 223-224.

211 Толочко П.П. *Историчні портрети*. Київ. 1990. С. 77-84.

212 Д. дел' Агата. Стари кирилски надписи в катедралата "Сан Мартино" в град Лукка. *Славянские культуры и Балканы*. София, 1978. С. 62-64; Высоцкий С.А. *Киевские граффити XI-XII вв.* Киев, 1985. С. 5.

213 Леонид (Кавелин). Чудеса св. Николая. *Памятники Общества любителей древней письменности*. Т. 72. СПб., 1888. С. 4; Шляпкин И. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. С. 22; Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. С. 328, прим. 15; Подскаль-

как мы уже знаем, был в это время ближайшим сподвижником Владимира Мономаха²¹⁴. В таком случае подчеркнутое появление черниговского князя Владимира Всеволодовича в тексте *Слова* становится понятным и оправданным – он сознательно называется в одном ряду с правящими в это же время византийским императором, константинопольским патриархом и великим киевским князем, как равная им по масштабу и значению фигура, также, как и они, имеющая прямое отношение к событиям европейского масштаба.

Не случайна в этом контексте и одна из упомянутых надписей на архитраве портала собора Сан-Мартино в Лукке – та, в которой упоминается некий “дьякон муромский”. Муромо-Рязанское княжество в XI – XII вв. входило в состав владений черниговских князей Святославичей²¹⁵, и, хотя в годы княжения в Чернигове Владимира Мономаха Муромо-Рязанские земли не вошли в его черниговский удел, оставшись за Святославичами, церковный патронат Чернигова над ними был сохранен, так как на протяжении XI и почти всего XII в. и Муром, и Рязань входили в состав Черниговской епархии²¹⁶, которая в XI ст., так же, как и Переяславская, имела статус титулярной митрополии²¹⁷.

Таким образом, мы видим, что именно в те годы, когда Владимир Мономах был черниговским князем, являясь одновременно и фактическим соправителем своего отца, киевского великого князя Всеволода Ярославича, существуют все предпосылки, для того, чтобы он, ведя строительство в Чернигове, смог воспользоваться услугами каких-то западных мастеров, происходящих, по-видимому, из круга романских мастеров Северной Италии.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

ски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. С. 214, 224–602.

214 Шапов Я.Н. *Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв.* М. 1989. С. 38-39, 56, 58, 61; Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. С. 55, 280-281.

215 Зайцев А.К. Черниговское княжество. *Древнерусские княжества X-XIII вв.* М., 1975, карта между С. 80 и 81; Рапов О.М. *Княжеские владения на Руси в X - первой половине XIII в.* М., 1977. С. 94-134.

216 Шапов Я.Н. *Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв.* С. 37-38; Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. С. 53.

217 Поплэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в.. *ВВ.* Т 28. М., 1968. С. 98-102; Шапов Я.Н. *Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв.* С. 58-60; Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. С. 54-56.